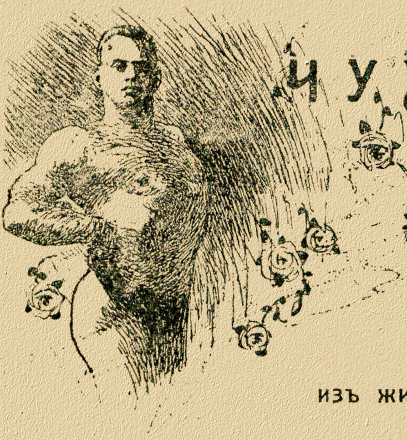

ЧУХОНСКІЙ БОГЪ

РОМАНЪ

изъ жизни борцовъ и атлетовъ

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

Съ портретомъ автора и предисловіемъ.

№ 21—22. | Библіотека „ГОНГЪ“. | Цѣна 20 копѣекъ.

КІЕВЪ—1910.
Типографія Первой Кіевской Артели Печатнаго Дѣла.
Трехсвятительская 5.

Ник. Ник. Брешко-Брешковскій.

Предисловіе.

Николай Николаевичъ Брешко-Брешковскій происходитъ изъ стариннаго малороссійскаго дворянскаго рода Черниговской губерніи. Предки его были запорожцами и водили черезъ степи въ турецкій походъ на Прутъ полки Петра Великаго. Мать писателя—Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, урожденная Вериго, женщина большого ума и образованія, извѣстна какъ революціонерка (популярная подъ именемъ „Бабушки“).

Часть дѣтства и юности писателя протекли на Волыни. Онъ воспитывался въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ и, какъ впечатлительный юноша, чутко всматривался въ окружающій его міръ—отсюда знаніе колоритнаго быта юго-западнаго края, отразившееся во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ.

Душно въ провинціальной глуши, хочется къ свѣту, къ центру культуры, и вотъ девятнадцатилѣтнимъ юношей Брешко-Брешковскій пріѣзжаетъ въ Петербургъ и поступаетъ на службу—весьма прозаически—въ акцизное вѣдомство. Но недолго онъ остается тамъ. Начавъ сотрудничать въ разныхъ газетахъ и

журналахъ, писатель черезъ два года бросаетъ службу и посвящаетъ себя исключительно литературѣ, которой отдаетъ всѣ силы и помыслы свои и по сей день.

Смотря весьма широко на задачи и призваніе писателя, будучи того мнѣнія, что беллетристъ не долженъ замыкаться въ одну какую-нибудь спеціальность, а долженъ стремиться захватить жизнь во всей ея мозаичной пестротѣ, Брешко-Брешковскій стремится изучать жизнь во всей ея многообразности. Такъ, увлекаясь пластическимъ исскуствомъ и знакомясь съ нимъ, какъ практически, такъ и теоретически, Брешко-Брешковскій рядомъ съ беллетристомъ началъ воспитывать въ себѣ художественнаго критика. Вмѣстѣ съ этимъ, для пополненія своего эстетическаго образованія, онъ много путешествовалъ по Европѣ, изучая на мѣстѣ памятники искусства каждой страны, что привело его къ основательному знакомству съ пинакотеками Парижа, Берлина, Мюнхена, Вѣны, Будапешта, Бельгіи, Голландіи, Сѣверной и Южной Италіи и Испаніи. Въ теченіе почти десяти лѣтъ состоя художественнымъ критикомъ распространенной газеты „Биржевыя Вѣдомости“, Брешко-Брешковскій напечаталъ, напр., нѣсколько тысячъ фельетоновъ по вопросамъ искусства.

Обладая легкой манерой письма и необычайной плодовитостью, Брешко-Брешковскій касался въ своихъ произведеніяхъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Онъ живописалъ въ своихъ многочисленныхъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ жизнь, бытъ и нравы помѣщиковъ, художниковъ, евреевъ, чиновниковъ, купцовъ, крестьянъ и т. д.

Кровь предковъ сказалась въ любви потомка ихъ къ малороссійской старинѣ, любви, зафиксированной имъ въ нѣсколькихъ историческихъ повѣстяхъ. Изъ послѣднихъ особенный успѣхъ выпалъ на долю повѣсти „Запорожскій казакъ Игнатъ Подкова“ Юношескія наблюденія надъ жизнью юго-западнаго края, о чемъ говорилось выше, также дали не мало матеріала. Результатомъ наблюденій актерскаго быта явился интересный романъ „Опереточныя тайны“.

Брешко-Брешковскій первый обогатилъ русскую беллетристику описаніями міра борцовъ и атлетовъ. Чтобы глубже постичь бытъ этого своеобразнаго и замкнутаго міра, чтобы тѣснѣе войти въ него, писатель, помимо наблюденій, занимался борьбой и атлетикой. Его книга „Въ мірѣ атлетовъ“ выдержала нѣсколько изданій. Этому же міру посвященъ и печатаемый здѣсь романъ „Чухонскій богъ“, написанный сочными красками большого мастера слова. Какъ живой встаетъ передъ нами своеобразный міръ и, послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ, выведенныя въ немъ лица уже становятся намъ близко знакомыми, точно мы давно ихъ знаемъ или наблюдаемъ. А сцена Тампіо и его обожательницы въ отдѣльномъ кабинетѣ—это шедевръ.

Міръ, родственный этому, изучалъ Брешко-Брешковскій въ Испаніи — міръ торреадоровъ, бой быковъ. Результатомъ этого явилась напечатанная въ „Нивѣ“ повѣсть изъ жизни торреадоровъ —„Человѣкъ изъ волшебной сказки“.

По многосторонности и продуктивности творчества Брешко-Брешковскаго сравнивали

съ графомъ Саліасомъ и Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко. Но у Брешко-Брешковскаго своя литературная физіономія, быть можетъ, еще не окончательно вырисовавшаяся, но, тѣмъ не менѣе, довольно опредѣленная. Это блестящій повѣствователь, постигшій тайну легкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ рельефнаго письма. Его романы захватывающи безъ аффектированности, характеры его героевъ выпуклы безъ утрировки, аксессуары у него выписаны, но не сфотографированы. Онъ, какъ художникъ, дѣлаетъ нѣсколько мазковъ, среди которыхъ одна-двѣ необыкновенно мѣткихъ, удачныхъ, характерныхъ черточки достигаютъ большаго эффекта, чѣмъ детально выписанныя картины. Писатель описываетъ, напр., человѣка, ѣдящаго мороженое; тутъ же, мимоходомъ, онъ называетъ родъ этого мороженнаго и этимъ сразу даетъ всей картинѣ характерное пятно, необыкновенно ее оживляющее. Одна, съ виду неинтересная и маловажная деталь, упомянутая къ мѣсту, въ состояніи удивительно оживить цѣлое.

Вообще всюду Брешко-Брешковскій чутко прислушивается къ жизни, ему внятенъ таинственный говоръ ея и, подслушавъ его, онъ пишетъ „Шепотъ жизни“ (названіе одного изъ романовъ писателя). Жизнь открываетъ свои тайны только избраннымъ, достойнымъ служителямъ ея и Брешко-Брешковскаго можно смѣло назвать таковымъ.

Г. Ш.

Чухонскій Богъ.

ГЛАВА I.

За этой горящей лампіонами аркой воротъ лѣтняго сада начиналось царство Тампіо.

Тампіо—всюду...

Вотъ у кассы большой плакатъ съ его изображеніемъ. Улыбающійся, розовый Тампіо демонстрируетъ свои мускулы. Обнаженная грудь его вся увѣшана медалями, жетонами, лентами.

Надпись—„Робертъ Тампіо, непобѣдимый чэмпіонъ міра“.

Дальше, на перекресткѣ обсаженныхъ чахлыми деревцами дорожекъ—витрина съ фотографіями Тампіо. На одной—онъ поднимаетъ рукою пять человѣкъ, поднимаетъ шутя, съ безпечной улыбкой... На другой,—весь костюмъ его заключается въ фигомомъ листикѣ,—Тампіо, подобно Геркулесу Фарнезскому, держитъ въ рукахъ здоровенную дубину. На третьей,—сложенный, какъ греческій богъ, Тампіо

опрокидываетъ въ схваткѣ тучнаго, безобразнаго,—совсѣмъ горилла,—богатыря Самсона.

Рядомъ, въ кіоскѣ, блѣдная, худенькая барышня торгуетъ открытками Тампіо. Въ разныхъ костюмахъ, то одинъ, то съ борцами,—повсюду онъ—красивый, ловкій, отважный—тріумфаторъ.

Въ ожиданіи борьбы слоняются по саду поклонники и поклонницы непобѣдимаго борца. И на всѣ лады, со всѣми оттѣнками, разными голосами, повторяютъ они одно и то же имя:

— Тампіо! Тампіо!

И кажется, что тихій шелестъ березокъ повторяетъ вмѣстѣ съ ними:

— Тампіо!

Одинъ кафешантанный композиторъ сочинилъ въ честь Тампіо маршъ. Каждый вечеръ подъ его звуки борцы дефилировали передъ публикой. Всю эту международную фалангу велъ за собой Тампіо. Его встрѣчали громомъ рукоплесканій, подносили ему цвѣты, драгоцѣнности, букеты изъ сторублевокъ. Любимецъ и баловень, онъ все это принималъ, какъ должное. Къ цвѣточнымъ подношеніямъ Тампіо относился презрительно.

За два мѣсяца ежедневной борьбы онъ ни разу не появлялся въ одномъ и томъ же трико.

Онъ мѣнялъ цвѣта, какъ хамелеонъ.

Красный, пылающій пламенемъ, на завтра Тампіо выходилъ въ темно-кофейномъ, голубомъ, оранжевомъ, блѣдно-розовомъ, желтомъ, вишневомъ, зеленомъ, фисташковомъ, и. т. д.—до безконечности.

Сегодня ярче горѣли лампіоны входной арки. Сегодня бойчѣй шла торговля открыт-

ками. Сегодня садъ почернѣлъ отъ публики, и трудно было двигаться густой толпѣ. Сегодня бенефисъ „непобѣдимаго чэмпіона міра Тампіо“. Сегодня онъ борется съ двумя серьезными противниками: мавромъ Гассаномъ и „новгородскимъ великаномъ Сидоровымъ“.

Музыка грянула маршъ. Конечно, это былъ „Маршъ Тампіо“.

Борцы въ ногу прошли разъ-другой по сценѣ и остановились полукругомъ. Приземистый, плечистый, съ фигурой былиннаго богатыря студентъ-арбитръ представилъ ихъ поочередно публикѣ. Бенефиціанта онъ умышленно приберегъ напослѣдокъ:

— Тампіо... Россія... Чэмпіонъ міра...

Громъ рукоплесканій, подношенія. Цѣлая оргія подношеній.

Врядъ ли балеринъ когда-либо чествовали такими пышными корзинами. Цѣлый ювелирный магазинъ—футляры съ кубками, булавками, перстнями, подстаканниками, запонками.

Серебро, золото, брилліанты, жемчугъ...

Однѣ руки, нѣсколько паръ ихъ, подавали все это изъ оркестра, другія уносили за кулисы.

Театръ бѣсновался. Оглушительные взрывы рукоплесканій прорѣзывались тоненькими женскими голосами:

— Тампіо! Тампіо!

А кумиръ-бенефиціантъ какъ-то по-особенному, по-своему изгибая торсъ, кланялся во всѣ стороны съ побѣдной улыбкой.

Борцы ушли. На зеленомъ коврѣ остался одинъ лишь студентъ.

Мѣрными шагами онъ подошелъ къ рампѣ

и, коснувшись рукою фуражки, зычнымъ голосомъ соборнаго протодьякона произнесъ:

— Прошу одну минуту вниманія... Въ виду серьезности предстоящей борьбы бенефиціанта съ марокккскимъ чэмпіономъ,—покорнѣйшая просьба къ почтеннѣйшей публикѣ—воздержаться отъ восклицаній... Борцы оба горячіе... Каждое слово способствуетъ нервному раздраженію...

Онъ вновь коснулся фуражки и отошелъ вглубь сцены.

— Браво, Гусевъ, браво!

Студентъ раскланялся. Онъ глянулъ въ одну сторону кулисъ и вызвалъ:

— Тампіо!

Глянулъ въ другую:

— Гассанъ!

Борцы сошлись. Чтобъ не оставалось больше никакого сомнѣнія, Гусевъ, указывая на нихъ рукою, повторилъ низкой протодьяконской октавой:

— Тампіо... Гассанъ...

Затѣмъ онъ свистнулъ въ висѣвшій на груди свистокъ.

Это было сигналомъ схватки.

Гассана тоже любили. Правда, онъ пользовался симпатіями главнымъ образомъ демократической публики. Но симпатіи отличались прочностью. Курчавый, бронзовый мавръ съ молодымъ безусымъ и безбородымъ лицомъ былъ выше Тампіо почти на голову.

Глаза со сверкающими бѣлками, какъ у хитраго, умнаго звѣря, слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ Тампіо. Обмануть Гассана было трудно. Тампіо кидался на него, желая сбить съ толку, затуманить какимъ-нибудь фальши-

вымъ пріемомъ, но гибкій и ловкій мавръ ускользалъ невредимымъ.

Бронзовый Гассанъ въ темно-коричневомъ трико и свѣтлый блондинъ Тампіо въ золотистомъ представляли рѣзкій, любопытный контрастъ. Бенефиціантъ отлично зналъ это и въ борьбѣ съ мавромъ всегда надѣвалъ золотистое трико.

Боролись они оба прекрасно, но каждый по-своему. Тампіо ни на минуту не забывался. Онъ желалъ на себѣ, главнымъ образомъ, сосредоточивать вниманіе публики. Онъ превращался въ одно сплошное мелькающее движеніе. За стремительнымъ пріемомъ слѣдовалъ новый, еще стремительнѣй.

Тампіо вертѣлся, прыгалъ, мелькалъ, кружился мельницей, винтомъ, строилъ пируэты, мосты, уходилъ съ нихъ, опять строилъ. Его изумительная акробатическая ловкость поражала всѣхъ.

Страстный африканецъ боролся съ темпераментомъ, темпераментомъ дикаря. Онъ меньше всего заботился о производимомъ на публику впечатленіи. Школу ему замѣняла сильная пластичная мускулатура, увертливость ящерицы и упругая цѣпкость пантеры. Всѣ шестьдесятъ девять пріемовъ, такъ называемыхъ „пріемовъ Тампіо“ разбивались о страшную неуязвимость африканца.

Изъ самыхъ рискованныхъ моментовъ,—вотъ—вотъ лежитъ на обѣихъ лопаткахъ,—оба выходили благополучно. И напряженная тишина смѣнялась взрывомъ рукоплесканій.

Студентъ Гусевъ умоляюще приподнималъ фуражку.

Это значило:

— Ради Бога, не шумите, не раздражайте борцовъ...

Около этой пары, то сходившейся грудь съ грудью, то сплетавшейся въ темно-золотистый клубокъ, то распростертой на коврѣ, Гусевъ въ рискованные моменты напряженно замиралъ со свисткомъ на готовѣ.

Гассанъ былъ спокоенъ. Онъ словно игралъ все время съ Тампіо. Его скуластое съ приплюснутымъ носомъ лицо расплывалось въ забавную улыбку-гримасу и сверкали бѣлые, крѣпкіе зубы. А Тампіо обрушивался на него цѣлыми каскадами неустанныхъ и быстрыхъ нападеній. Только иногда африканецъ горячился и бросалъ противника на стулья членовъ жюри, заставляя его пятиться къ оркестру. Но эта горячность скоро погасала и онъ былъ снова ровенъ и спокоенъ, неутомимъ.

Уже схватки продолжались пятьдесятъ минутъ.

Разгоряченный Тампіо былъ потный, красный, злой и задыхающійся. Временами онъ самъ себѣ давалъ передышку, поправляя трико и завязывая расшнуровавшійся башмакъ.

Публика раздѣлилась на два лагеря. Одни вѣрили въ побѣду Тампіо, другіе—въ Гассана.

Держались пари. Охрипшіе голоса кричали, спорили до бѣшенства.

На пятьдесятъ девятой минутѣ, совершенно неожиданно для всѣхъ—никто и не замѣтилъ, какъ это случилось—Гассанъ лежалъ на лопаткахъ и Тампіо, съ жестокимъ и хищнымъ выраженіемъ своего лошадиннаго лица, придавливалъ его къ ковру.

Театръ грохоталъ, стоналъ. Побѣдителю

устроили шумную овацію. Въ избыткѣ восторга на сцену кидали шляпы.

Гассанъ поднялся недоумѣвающій. Тампіо—протягивалъ ему руку. Но африканецъ не отвѣтилъ на его пожатіе. Вызывали его почти такъ же много, какъ и Тампіо, но Гассанъ не показывался больше.

Уже студентъ демонстрировалъ новую пару, а оваціи все не смолкали. Наконецъ затихло. Но по всему театру волной бѣжалъ веселый, громкій хохотъ.

Слишкомъ курьезнымъ и каррикатурнымъ было сопоставленіе турка Османъ-Мамеда и японца Мацуто. Кирпично-красный турокъ съ бритой головой, безъ всякихъ признаковъ шеи, со складками на затылкѣ, громаднымъ животомъ и короткими ногами-обрубками, напоминалъ не человѣка, а чудовище.

— Побѣдитель всѣхъ турецкихъ чэмпіоновъ,—побѣдитель великана Нурля,—рекомендовалъ его публикѣ студентъ.

Если Османъ-Мамедъ былъ безобразно толстъ и тяжелъ, то японецъ отличался худобой феноменальной. Кости, туго обтянутыя сухой пергаментной кожей. Эта скелето-образная худоба потому рѣзко бросалась въ глаза, что торсъ Мацуто былъ обнаженъ до пояса. Умные косые глаза его искрились какой-то затаенной насмѣшливостью... Словно Мацуто знаетъ что то свое, особенное—чего никто не знаетъ. Про этого маленькаго, тщедушнаго человѣка разсказывали чудеса, легенды. Въ пальцахъ у него такая сила, что однимъ нажимомъ онъ вгоняетъ гвоздь въ доску. И гвоздь входитъ такъ, какъ еслибъ это было не дерево, а масло. Самые выносливые, могучіе борцы не

выдерживаютъ его „грифа“—зажима, блѣднѣютъ, руки у нихъ парализуются, становятся чужими, а у запястья остаются кровавые браслеты...

Гусевъ пронзительно свистнулъ.

Турокъ и японецъ встрѣтились лбами. Османъ-Мамедъ, боясь ужасныхъ прикосновеній спряталъ руки назадъ. Но это не спасло его. Японецъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ взять его на передній поясъ,—турокъ инстинктивно протянулъ впередъ руки,—Мацуто воспользовался этимъ.

Напрасно испуганный, побагровѣвшій Османъ пытался вырвать свою руку изъ цѣпкихъ желѣзныхъ пальцевъ противника. Вытянувшись впередъ всѣмъ тѣломъ, загадочно улыбаясь косыми глазами, японецъ сжималъ ее все крѣпче и крѣпче... Османъ топтался, прыгалъ, свирѣпѣя отъ боли, смѣшной и жалкій. Онъ вызывалъ хохотъ, а японцу рукоплескали. Поджарая собачонка, торжествующая надъ бегемотомъ...

Мацуто поощряли:

— Ай—да япошка! Клади скорѣй эту свиную тушу!

Наконецъ, желтый скелетъ самъ отпустилъ турка и ловкимъ толчкомъ перевелъ его въ партеръ. Османъ, еще болѣе жалкій и безпомощный, пресмыкался подъ Мацутой. Съ краснаго бабьяго лица турка струился потъ. Стоя на раздвинутыхъ, какъ спички, тоненькихъ ножкахъ, японецъ покачивалъ головой.

Въ самомъ дѣлѣ, ну, какъ онъ перевернетъ девяти-пудовую глыбу? Но все-таки перевернулъ, обманувъ Османа и заставивъ его приподняться.

Это была дорогая побѣда. Османъ отличался громадной силой, и, въ свою очередь, другіе борцы прятали отъ него руки такъ же, какъ онъ пряталъ свои отъ японца. Недаромъ же называли Османа le terrible turc.

Вышла послѣдняя пара: трехъаршинный гигантъ Сидоровъ и Тампіо, казавшійся рядомъ десятилѣтнимъ мальчишкой. На Тампіо было уже другое трико, блѣдно-розовое.

Военный оркестръ игралъ мечтательный вальсъ. Не успѣлъ Новгородскій великанъ опомниться, какъ разбѣжавшійся Тампіо ударилъ его головой въ животъ, словно поднимая на рога.

Длинная фигура Сидорова мелькнула въ воздухѣ и онъ плюхнулся на спину. Барахтаясь, онъ пытался приподняться, но Тампіо наступилъ ему на грудь ногою и замеръ въ эффектной позѣ гладіатора... Гусевъ объявилъ, какъ всегда, зычно и громко:

— Тампіо побѣдилъ Сидорова въ шестнадцать секундъ...

ГЛАВА II.

Тампіо проснулся.

Лицо усталое, блѣдное. Сейчасъ онъ былъ очень далекъ отъ румянаго Тампіо, который улыбался на висѣвшемъ у кассы плакатѣ.

Массажистъ Гавриловъ ждалъ въ сосѣдней комнатѣ его пробужденія. Каждый разъ Тампіо велѣлъ приходить въ двѣнадцать, и каждый разъ этотъ унылый человѣкъ съ большимъ носомъ и маленькими глазками терпѣливо

ждалъ до часу, а то и до половины второго.

Тампіо говорилъ:

— Веди какую угодно жизнь, проще пана, только нужно много спать и все будетъ хорошо.

Раньше четырехъ—пяти борецъ никогда не ложился. До двухъ затягивалась борьба, а тамъ ужинъ съ женщинами, которыя ему писали записочки и сходили съ ума отъ его фигуры.

При Тампіо, въ видѣ секретаря и адъютанта, состоялъ маленькій худенькій съ бритымъ личикомъ юноша. И Тампіо и всѣ окружающіе звали его докторомъ. Докторъ носилъ длинный въ обтяжку сюртукъ и, ловкій, вертлявый, напоминалъ актера изъ Берлинскаго Винтергартена. Онъ завѣдывалъ безчисленными трико, жетонами, медалями, а также любовными дѣлами своего патрона.

Тампіо полушутя жаловался на доктора:

— Ему нельзя довѣрять, проще пана. Тутъ ко мнѣ каждый день лѣзутъ бабы знакомиться. Что, развѣ я могу всѣхъ принимать? Когда же бороться?.. Такъ я говорилъ доктору:

— Ты идешь,—смотришь. Если красивая, то я знакомлюсь, а если нѣтъ, то можешь ее взять себѣ. Но докторъ—прохвостъ, дѣлалъ другой разъ такъ,—говорилъ некрасивая—на самомъ же дѣлѣ красивая, и бралъ себѣ. Теперь я ему не вѣрю...

У доктора была еще одна обязанность: Тампіо демонстрируя свою силу, поднималъ его на мизинцѣ.

— Гаврикевичъ!—позвалъ борецъ

Массажистъ медленно вошелъ въ спальню, поклонился, медленно вымылъ руки и медлен-

но смѣнилъ пиджакъ на длинный бѣлый балахонъ.

Тампіо снялъ ночную шелковую рубашку. Мускулы его рукъ, груди, живота, пришли въ движеніе и, какъ змѣи зашевелились подъ кожей. Массировать его было легко. Извиваясь, онъ самъ подставлялъ каждый мускулъ упругимъ пальцамъ Гаврилова.

Черезъ всю грудь тянулся глубокій шрамъ. Онъ не портилъ впечатленія, наоборотъ, сообщалъ какую-то интересность, этотъ отзвукъ далекой и страшной схватки...

Гавриловъ массировалъ борца мѣсяцъ, но только сегодня отважился его спросить.

— Откуда у васъ этотъ большой шрамъ, господинъ Тампіо?

— А, проше пана,. то черезъ одного турка. Въ Парижѣ боролись мы съ Кара-Ахметомъ. Какъ я его взялъ на задній поясъ, а у него была желѣзная пряжка... Сколько я крови тогда потерялъ.

— Положили турка?

— Разумѣется, какъ матрацъ лежалъ! Противъ него никто не могъ выстоять. А я въ десять минутъ съ секундами положилъ. Сейчасъ же послѣ перерыва.

Гавриловъ съ неподвижнымъ лицомъ растиралъ Тампіо и думалъ:

— Уходили сивку крутыя горки. Поизносился ты, братъ, поистрепался!

И какъ—бы продолжая вслухъ:

— А я вчера любовался этимъ Гассаномъ. Вотъ эластичная мускулатура.

— А какъ я его бросилъ! И никто не знаетъ, на какомъ пріемѣ? Мнѣ бы съ нимъ ра-

боты на четверть часа, а я только затянулъ для публики.

Массажистъ промолчалъ. Въ душѣ онъ не вѣрилъ, считая африканца сильнѣе.

Въ дверь глянула бритая мордочка доктора.

— Мацуто пришелъ,— сказалъ онъ по-нѣмецки

— Пусть подождетъ!

Директоръ сада считалъ Тампіо самымъ умнымъ борцомъ, понимающимъ психологію публики. Иногда въ интересахъ дѣла онъ обращался къ Тампіо, чтобъ тотъ, распредѣляя пары, самъ предрѣшалъ эффектные финалы тѣхъ или другихъ схватокъ.

Массажъ кончился. Тампіо черезъ доктора позвалъ Мацуто. Японецъ—подъ скромной пиджачной парой не чувствовалась его стальная мускулатура,—казался мизернымъ, невзрачнымъ—дунь, онъ и свалится! Опустивъ голову и глядя на Тампіо узкими глазами, которые видѣли то, чего никто не видѣлъ, Мацуто ждалъ распоряженій.

— Завтра у тебя рѣшительная схватка съ Османомъ-Мамедомъ. Послѣ сорока, такъ на сорокъ пятой—шестой минутѣ, ты его кладешь двойнымъ нельсономъ. Это будетъ большой сюксе, если такая спичка положитъ двойнымъ нельсономъ такого толстаго мужика.

У Тампіо была манера умышленно искажать имена и фамиліи. Вмѣсто Мацуто—онъ говорилъ Мацу-Яма, Гаврилова называлъ Гаврикевичъ. И когда докторъ возвѣстилъ прибытіе студента Гусева, Тампіо воскликнулъ:

— А Гуськантини!

Приземистый Гусевъ съ браслетомъ на рукѣ и круглымъ открытымъ лицомъ обладалъ

силой, которую трудно было въ немъ предположить.

Однажды разгоряченные борцы забылись —еще мигъ и оба, крѣпко обнявшись, полетѣли бы въ оркестръ, но, будто вросшій въ землю, Гусевъ, схватилъ обоихъ и удержалъ на мѣстѣ. Публика рукоплескала ему. Студентъ своимъ обычнымъ жестомъ приподнималъ фуражку.

Каждый день онъ приходилъ къ Тампіо. Вмѣстѣ, запершись, съ бумагой и карандашами, составляли они пары ближайшихъ дней.

— Тампіо, ты читалъ „Столичные Отблески“? —озабоченно спросилъ Гусевъ.

— Нѣтъ. А что?

— Нехорошо, братъ. Появилась замѣтка. Сомнѣваются въ твоемъ превосходствѣ надъ Гассаномъ. Пишутъ, что онъ можетъ тебя положить, когда захочетъ.

Блѣдный Тампіо сталъ пунцовымъ.

— Гассанъ? меня? Я пишу опроверженіе! Я пишу опроверженіе!

— Сиди, дуракъ, сиди, не кипятись! Тутъ не опроверженіе, а дѣло нужно. Назначимъ въ присутствіи желающихъ и прессы испытаніе твоей силы.

— О, это хорошо. Я имъ покажу! Ты—мужикъ съ головой, Гуськантини!

Вошелъ докторъ съ ликующей гримасой.

— Репортеръ Бергъ изъ „Столичнаго Вѣстника“.

— Это хорошо. Газета ходкая,—прошепталъ Гусевъ.—Иди, Тампіо, а я посижу.

Тоненькій розовый нѣмчикъ Бергъ съ благоговѣйнымъ любопытствомъ разсматривалъ

борца. Тампіо нарочно вышелъ къ нему полуодѣтымъ съ обнаженнымъ торсомъ.

— Садитесь, проше пана. Хотите бенедиктину или клико?

— Благодарю васъ, утромъ я ничего не пью,—сконфузился Бергъ.

— А я пью. Докторъ, гдѣ бенедиктинъ?

— Я пришелъ интервьюировать васъ, Робертъ Робертовичъ.

— Добже, добже. Вотъ я вамъ сейчасъ покажу библію,—я ее называю библіей. Докторъ, библія?

Докторъ положилъ передъ Бергомъ толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ.

— Это здѣсь все, что до меня касается. И мои портреты, и рецензіи, и портреты, тѣхъ мужиковъ, которыхъ я когда-нибудь положилъ. Больше всего за меня писали въ Германіи. Знаете, какихъ я мужиковъ клалъ? Это все, здѣсь написано, въ библіи. Я не выдумываю, проше пана. Коха, Эберле, Абса, Збышка, только Збышка—четыре года назадъ. Теперь его никто не положитъ... Гицлера, Бокеруа...

Бергъ аккуратно записывалъ все это въ книжечку.

— А вы не видѣли мои медали? У меня больше, какъ у всѣхъ. Ни у кого нѣтъ столько. Докторъ, медали!

Докторъ съ трудомъ поднялъ изящную шкатулку, обитую внутри плюшемъ. Въ порядкѣ, золотыя къ золотымъ, серебряныя къ серебрянымъ, бронзовыя къ бронзовымъ, раскладывалъ онъ на столѣ медали всѣхъ величинъ и формъ.

— Боже мой, сколько! Неужели все помѣ-

щается на груди?—воскликнулъ пораженный Бергъ.

— А то какъ еще! Она у меня широкая: мѣсто на ней найдется!..

Тампіо выпятилъ грудь колесомъ.

— Можно дотронуться?

— Проше пана. Я ставлю стаканъ съ водой. Докторъ, стаканъ!

Бергъ охалъ и ахалъ. Тампіо окончательно завоевалъ его.

— А позвольте узнать...—спросилъ онъ запинаясь,—женщины въ васъ часто влюбляются?

— Вотъ черезъ горло лѣзутъ! А только, если вы что пишете про меня, то говорите, что я самъ ни разу не былъ влюбленъ. Э, что такое любовь? По моему, женщина создана для того, чтобы ее...

При послѣднемъ словѣ Тампіо, короткомъ, циничномъ и грубомъ, розовый нѣмчикъ сталъ, какъ піонъ, красный.

— А вы, пане Бергъ, вижу совсѣмъ еще мальчикъ. Да, вы тамъ говорите другимъ репортерамъ: если вы всѣ хорошо пишете про нашу борьбу, мы заказываемъ вамъ всѣмъ почетные жетоны...

Бергъ терялся,

— Что это онъ? Взятку предлагаетъ? Непремѣнно скажу редактору о жетонахъ...

Тампіо пилъ кофе, прихлебывая изъ тоненькой рюмочки густой золотистый бенедиктинъ. Холодными свѣтлыми глазами онъ уставился въ одну точку.

Бергъ собирался съ духомъ, уже нѣсколько разъ открывалъ ротъ, но не хватало рѣшимости. Самый главный вопросъ онъ приберегъ напослѣдокъ и боялся, что уйдетъ, не

задавъ его. А Тампіо продолжалъ смотрѣть въ одну точку. Это онъ дѣлалъ нарочно.

— Господинъ Тампіо!...

— А? Что, проще пана?—встрепенулся борецъ.

— Могу я васъ спросить... только вы не разсердитесь?

Тампіо недоумѣвающе хлопалъ глазами.

— За что я имѣю сердиться? Вы спрашиваете, я отвѣчаю.

— Видите... послѣднее время очень много говорятъ... я, конечно, не вѣрю, не хочу вѣрить... о томъ, что будто-бы... что въ вашемъ чэмпіонатѣ... существуютъ соглашенія... сговоры...

Тампіо съ серьезнымъ видомъ кивалъ головой въ тактъ словамъ Берга.

— Это вѣрно, совершенно вѣрно. Вы знаете, я надняхъ заплатилъ тысячу рублей Виркману, чтобы онъ не ложилъ меня.

Бергъ готовъ былъ сквозь землю провалиться. Виркмана, жалкаго тщедушнаго борца, только лѣнивый не опрокидывалъ на обѣ лопатки. Это былъ козелъ отпущенія всего чэмпіоната. Одинъ его видъ вызывалъ состраданіе.

Тампіо вплотную подошелъ къ Бергу:

— Что, не вѣрите? Почему не вѣрите?

Потомъ онъ вдругъ расхохотался безумнымъ неудержимымъ смѣхомъ. Грудная клѣтка, вся мускулатура пришли въ движеніе. Упругія мышцы, какъ змѣи, шевелились подъ кожей.

— Нѣтъ, я не могу, я умру. Иди сюда Гуськантини!

Студентъ поздоровался съ Бергомъ.

— Гуськантини,—ты слышалъ?

Студентъ довѣрчиво открытымъ яснымъ взглядомъ посмотрѣлъ на репортера.

— Въ интересахъ спорта долженъ сказать, что борьба у насъ ведется правильно. Что же касается силы Тампіо—совершенно искренне говорю и при немъ, и безъ него! Я считаю его первымъ по техникѣ борцомъ въ мірѣ. Только онъ—дуракъ, много прыгаетъ. Женщинамъ хочетъ нравиться. На-дняхъ мы всѣ вмѣстѣ будемъ испытывать его силу и при вашемъ благосклонномъ участіи, надѣюсь?

Польщенный Бергъ поклонился.

— Нѣтъ, когда правда, то правда,—началъ Тампіо.—Такихъ соглашеній, кто подъ кого ляжетъ,—у насъ нѣтъ. Говорятъ,—онъ могъ бы его положить. Если-бъ могъ, то положилъ. Сегодня Гассанъ меня положитъ, развѣ онъ не поднимется въ глазахъ публики и директора сада? Развѣ такой сюксе не даетъ ему большія выгоды? Нѣтъ, это не вѣрно! Наоборотъ, между борцами всегда есть какія-нибудь интриги. Если вы пишете про это, я ничего не имѣю. Каждый хорошій борецъ проводитъ въ чэмпіонатъ своихъ мужиковъ. У меня эстонцы, у Абса—нѣмцы, у Збышки—поляки. И тутъ между ними разныя хитрости. Когда я борюсь, въ кулисахъ у меня стоятъ мои шпіоны. Они знаками показываютъ, какой пріемъ совѣтовалъ кто-нибудь моему противнику. А если я лежу на скамейкѣ, то мнѣ не видно, что дѣлаютъ руки противника, тогда мой шпіонъ даетъ сигналы глазами. Только иногда, болванъ, вмѣсто лѣваго—мигнетъ правымъ глазомъ. Другой разъ мы такъ дѣлаемъ: если завтра у меня серьезная борьба со Збышкой, то я стараюсь, чтобы онъ сегодня боролся съ

сильнымъ какимъ-нибудь мужикомъ и тотъ-бы его поломалъ. Про меня пишутъ, что я—слабый, что меня легко бросать, что я скоро устаю. Это я дѣлаю нарочно, чтобы обманывать и противника и другихъ борцовъ. Если онъ меня бросаетъ по сценѣ, то онъ растрачиваетъ энергію, а я сохраняю. Вы видите, я другой разъ тяжело дышу, задыхаюсь. Пускай другіе думаютъ, что я теряю силы. Для меня это надо, проще пана. А я вамъ скажу такую штуку. Мнѣ труднѣе бороться ото всѣхъ. А почему? Я борюсь—для публики разъ, для директора—два, для полиціи—три, для прессы—четыре, для товарищей—пять, и для жюри—шесть.

— И для женщинъ—семь,—добавилъ Гусевъ и расхохотался такъ громко, что Бергу показалось, будто у него лопаются барабанныя перепонки.

— Онъ всегда что-нибудь вретъ, Гускантини... А знаете-ли вы, пане Бергъ, что передъ серьезной борьбой я никогда не ночую дома?

— Почему?—удивился репортеръ.

— А у насъ такое правило. Не давать спать борцу, чтобы разстраивать его нервы. Другой разъ даютъ фальшивую телеграмму ночью, или утромъ, посылаютъ на его дворъ эту... пи-лилимъ... шараманку... Приходится между такими интригами работать. Вотъ вы пишете про мою борьбу съ Эберле,—я вамъ разскажу. У него былъ свой мужикъ Вильсонъ, а у меня Ларсонъ. Я ничего не зналъ. Онъ сажаетъ Вильсона въ жюри. Вильсонъ былъ немножко пьяный, а только притворялся, что онъ совсѣмъ пьяный. Въ одну очень смертельную минуту

Вильсонъ громко кричитъ и падаетъ вмѣстѣ со стуломъ. Я обернулся только на одинъ augenblick. Этимъ воспользуется Эберле и положитъ меня. Ну, я думаю, ты подождешь! Я тебѣ отплачу на рѣшительной. А когда рѣшительная, я посадилъ за судьевскій столъ Ларсона и дѣлаю такъ борьбу, чтобъ Эберле взялъ меня на передній поясъ у самаго стола. И когда онъ меня взялъ, то я совсѣмъ перегнулся на столъ. Тогда Ларсонъ даетъ мнѣ здоровый ударъ въ шею. Я лечу по инерціи на Эберле и укладываю его. Для публики это не замѣтно. Онъ понялъ,— Эберле. Мы посмотрѣли одинъ другому въ глаза... Такъ, пане Бергъ, жизнь борца трудная. А, можетъ быть, вы теперь выпьете, стаканъ клико?

ГЛАВА III.

Въ меблиришкахъ поселилось вдругъ какое-то чудовище. Только чудовище могло такъ рычать...

Это хриплое, низкое и глухое рычанье наполняло корридоръ, бѣжало дальше и властно врывалось въ комнаты жильцовъ...

Леонтовичъ недоумѣвалъ.

— Что это? Альбертинка льва изъ Зоологическаго въ жильцы себѣ приняла?

— А вотъ я узнаю—вызвался „бѣдный Генрихъ“.

Отправился въ корридоръ на рекогносцировку. На ловца и звѣрь бѣжитъ. Но увидѣвъ этого звѣря, бѣдный Генрихъ попятился. Гдѣ-

то высоко надъ головой онъ услышалъ грозное рычаніе:

— Что за человѣкъ, назовись?

Блокъ растерался—да и было чего. Такихъ экземпляровъ ему не попадалось среди двуногихъ.

Ростъ гигантскій, трехъ-аршиный ростъ. Широченныя плечи. На нихъ—небольшая обезьянья голова съ бритымъ лицомъ и ртомъ до ушей. Какое-то фантастическое пальто-балахонъ со шнурами и кистями, какъ на гусарскихъ венгеркахъ, увеличивало и безъ того исполинскій ростъ оглушительно рычащаго незнакомца. Шея обмотана засаленнымъ и грязнымъ шарфомъ.

Нетерпѣливый, любознательный Леонтовичъ выскочилъ вслѣдъ за Генрихомъ. И его окликнулъ гороподобный великанъ:

— Что за человѣкъ?

— Тише, старикъ, у меня барабанныя перепонки—не казенныя—лопнутъ. Идемъ лучше къ намъ.

— А водка есть?

— Будетъ.

Неприбранныя постели напоминали какія-то ночлежныя койки. Генрихъ во время сна покрывалъ свое тщедушное тѣло жиденькимъ пальто. Леонтовичъ—тотъ спалъ не раздѣваясь. Но у него была желтая бурка съ капюшономъ, которую онъ взялъ „поносить“ у одного заѣзжаго провинціала.

Распахнувшаяся дверца какъ бы приглашала убѣдиться въ пустотѣ платяного шкафа.

На грязномъ, давно не мытомъ полу окурки, бумажки, раздавленныя папиросныя коро-

бочки. На столѣ,—какія-то рукописи, колбасныя шкурки, бутылки изъ-подъ пива.

Получилось такое впечатлѣніе, словно въ комнатѣ очутилась ломовая лошадь.

Прежде чѣмъ сѣсть, великанъ испытывалъ, крѣпки-ли стулья. И такъ нажималъ, что они трещали.

— Потише, потише, старикъ, Альбертина тебѣ задастъ!

— Что?—зарычалъ великанъ.—Я твою Альбертину—во!—онъ сжалъ свой кулакъ.—Мокро останется.

— Кто ты такой?—бэзцеремонно спросилъ Леонтовичъ.

Великанъ свирѣпо завращалъ глазами.

— Жалкіе люди! Вы—должны меня знать. Кто я такой? Ха-ха. Кто я такой? Я—всемірный пѣвецъ, конкуррентъ Шаляпина, Мазини и Баттистини. Когда я давалъ концерты въ Харьковѣ, публика дралась изъ-за билетовъ. Вызывали сотню казаковъ съ нагайками.—Хочешь спою?

— „Задр-ре-малъ тихій са-а-адъ...—

Рявкнулъ конкуррентъ Шаляпина.

Зазвенѣли стекла. Генрихъ инстинктивно закрылъ уши, Леонтовичъ покачалъ головой.

— Ну, и глотка же. Смотри, старикъ, это Петербургъ: городовые придутъ!

— Что? Городовые? Разнесу! Расшибу! Ты знаешь, какая у меня сила? Давай руку!

И не успѣлъ Леонтовичъ отдернуть—конкуррентъ Шаляпина сжалъ его кисть.

— Пусти, старикъ! больно! Вѣрю, что сильный. Порядочнымъ людямъ вѣрятъ на слово.

Конкуррентъ Шаляпина называлъ себя „Карусо“. А какъ онъ значился въ паспортѣ—

это была тайна для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, для очень многихъ.

Для Альбертины Осиповны, для Даши и для жильцовъ, за исключеніемъ Леонтовича,— это былъ бичъ Божій. Онъ оглушительно рычалъ, не платилъ ни за комнату, ни за обѣды.

А когда хозяйка пробовала заикнуться о деньгахъ, онъ грозился кулачищемъ.

— Уйди, несчастная! Получу ангажементъ— минуты у тебя не останусь!

А пока что, въ ожиданіи ангажемента, онъ съѣдалъ въ день три обѣда и по цѣлымъ днямъ рычалъ и бранился. Но скромные обѣды Альбертины Осиповны не удовлетворяли его чудовищнаго аппетита. Карусо втискивалъ свою голову въ старосвѣтскій, въ видѣ усѣченнаго конуса, цилиндръ и выходилъ на улицу. Прохожіе глазѣли на него, останавливались. Мальчишки бѣгали за нимъ толпами. Гигантъ важно шелъ, громадный, смѣшной и вмѣстѣ величавый. Онъ еле протискивался въ дверь перваго попавшагося трактира, спрашивалъ водки, пива и такую уйму ѣды, что всякой всячины хватило бы на полдюжины обыкновенныхъ смертныхъ. Въ концѣ концовъ слуга подносилъ ему счетъ.

Конкуррентъ Шаляпина закипалъ благороднымъ негодованіемъ.

— Что? Деньги? Мерзавцы! Голодный человѣкъ пришелъ поѣсть, а вы требуете деньги! Мошенники, Бога въ васъ нѣтъ!

И онъ выпрямился во весь свой чудовищный ростъ и сжималъ кулаки.

— Въ щепы разнесу! Камня на камнѣ не оставлю!

Звали дворниковъ, полицію.

Но при видѣ этой нечеловѣческой фигуры и дворники, и городовые терялись. Конкурентъ Шаляпина съ видомъ опернаго короля покидалъ трактиръ.

— Христопродавцы! Нога моя больше у васъ не будетъ!

Все это умиляло Леонтовича.

— Вотъ типъ! Вотъ беллетристика!

Онъ спросилъ однажды Карусо:

— Старикъ, хочешь имѣть монету?

— Хочу.

— Я для тебя придумалъ кое-что...

— Ну?—рычалъ Карусо.

— Погоди. Скоро узнаешь... По четвертному билету въ день...

ГЛАВА IV.

Леонтовичъ куда-то ѣздилъ, исчезалъ. Съ дѣловымъ озабоченнымъ лицомъ онъ приступилъ къ великану.

— Одѣвайся, старикъ, ѣдемъ.

— Куда?

— Разговаривай еще! Надѣвай свою самоварную трубу на голову и ѣдемъ!

Карусо повиновался. Онъ зналъ, что Леонтовичъ ничего не дѣлаетъ зря.

— Извозчикъ. На Знаменскую. Четвертакъ!

— Ванька лупастыми изумленными глазами осмотрѣлъ гороподобнаго Карусо.

— Полтинникъ,—потому рессора лопнетъ.

— Вотъ, видишь, старикъ, какой тебѣ почетъ?

На Знаменской они вошли во дворъ ги-

гантскаго дома и очутились въ странной передней, стѣны которой были сверху до низу увѣшаны плакатами. портретами борцовъ и атлетовъ. Въ сосѣдней комнатѣ громоздились на полу чудовищныя штанги и всевозможныхъ размѣровъ гантели.

Худенькій, бѣлобрысый юнецъ тренировался подъ наблюденіемъ приземистаго и плечистаго человѣка съ тараканьими усами. Словомъ, Леонтовичъ и Карусо очутились въ атлетическомъ кабинетѣ „профессора атлетики" Гусева.

— Тампіо здѣсь?—спросилъ Леонтовичъ обладателя тараканьихъ усовъ.

— Они въ кабинетѣ вмѣстѣ съ Гусевымъ— и возвращаясь къ худенькому юношѣ, онъ продолжалъ:

— То не нужно толкать отъ разу. То нужно дѣлать постепенно.

Леонтовичъ распахнулъ дверь.

За письменнымъ столомъ сидѣли Тампіо и Гусевъ. Борецъ въ желтомъ, на затылокъ съѣхавшемъ котелкѣ, пилъ коньякъ. Гусевъ любовно созерцалъ открытку съ собственнымъ портретомъ. Онъ былъ изображенъ въ трико съ мускулистыми обнаженными руками, сложенными на груди по-наполеоновски. Въ самомъ дѣлѣ, въ атлетическомъ мірѣ это былъ своеобразный Наполеонъ, такой же маленькій, такой же плотный, такой же геніальный.

— Господа, привелъ вамъ экземпляръ, доселѣ невиданный. Полюбуйтесь на это сокровище!

Карусо откашлялся только и пріосанился. Но такъ откашлялся, что зазвенѣли стекла.

Холодные свѣтлые глаза Тампіо горѣли восторгомъ.

— Ну, проше пана, изъ него можна сдѣлать пять борцовъ! Гуськантини, попроси этого маленькаго мальчика раздѣться.

Въ квадратной комнатѣ съ мягкимъ поломъ, гдѣ профессоръ атлетики преподавалъ борьбу, Тампіо и Гусевъ осматривали великана. Было такое впечатлѣніе, словно они покупали раба, котораго продавалъ Леонтовичъ.

Неподвижной мрачной исполинской глыбой стоялъ Карусо, напоминая одну изъ мраморныхъ каріатидъ Эрмитажа.

Леонтовичъ нахваливалъ свой товаръ.

— Вы посмотрите, какая грудь! Желѣзо! А человѣкъ совсѣмъ не тренированъ. А лапищи—такъ и созданы для передняго пояса!..

— Интересно, какой у него грифъ, проше пана?—озабоченно полюбопытствовалъ Тампіо.

— А вотъ испробуйте.

Тампіо быстрымъ движеніемъ снялъ пиджакъ, разстегнувъ запонку цвѣтной манжетки, засучилъ рукавъ до локтя и сказалъ Карусо:

— Держите меня здѣсь обѣими рулами. Отъ всей силы.

Великанъ грубо, неуклюже ухватилъ руку Тампіо своими чудовищными пальцами.

— Есть?

— Есть.

Тампіо рванулся. Какъ въ тискахъ. Онъ извивался, пускалъ въ ходъ колѣно, другую руку, покраснѣлъ весь, тяжело дышалъ, но вырваться не могъ.

— Довольно! Чертовскій грифъ, проше пана! Можно вырвать, только обдерешь кожу. А ну попробуй ты, Гуськантини?

Студентъ послѣдовалъ примѣру Тампіо и снялъ тужурку. Только минуты черезъ двѣ, послѣ страшныхъ усилій, удалось ему освободиться.

Его мускулистая рука налилась кровью, и кое-гдѣ появились ссадины.

— Завтра его надо анонсировать, а послѣ завтра мы его выпускаемъ—рѣшилъ Тампіо.

— Надо его потренировать нѣсколько дней, я имъ займусь —возразилъ студентъ.

— Э, какая тамъ тренировка! А вы будете его рекламировать?—обратился Тампіо къ Леонтовичу.

— Еще какъ? Такого черта въ ступѣ напишу!..

— Пишите, проще пана, пишите. Говорите, что онъ съѣдаетъ въ день полпуда сырого мяса.

Карусо обидѣлся и зарычалъ:

— Что я вамъ за живоглотъ дался!

— Ой, какой голосъ. Гуськантини, ты слышишь? Пускай вы на сценѣ также рычите. Когда бросаетесь на противника, то рычите!

Тампіо сіялъ, предвкушая сенсаціонный успѣхъ великана и полные сборы.

Сборы въ лѣтнемъ театрѣ „Андалузія“, начали падать. Во второй половинѣ лѣта петербуржцы уже не валили такой густой толпой смотрѣть борьбу, какъ въ началѣ.

Уже меньше рукоплесканій баловню-кумиру Тампіо. Онъ успѣлъ уже примелькаться, этотъ, какъ хамелеонъ, мѣняющій цвѣтныя трико, борецъ-акробатъ. Уже меньше удивлялась публика чудовищнымъ зажимамъ и „грифамъ“ японца. Уже... Словомъ, надо было скорѣй обновить чэмпіонатъ какой-нибудь интересной диковинкой, которая подняла бы па-

дающіе сборы. Предпріимчивая голова Тампіо работала все время въ этомъ направленіи. Онъ посылалъ куда-то телеграммы, списывался съ кѣмъ-то, озабоченно думалъ, подолгу совѣщаясь, съ вѣчнымъ студентомъ Гусевымъ.

Тампіо разсуждалъ такъ:

— Чэмпіонатъ борцовъ— это ничто другое, какъ труппа, и чтобы публика не скучала, труппа должна быть хорошо подобрана. Каждый борецъ обязанъ чѣмъ-нибудь выдѣляться. Я стою за строгое распредѣленіе ролей. Необходимъ красавецъ—первый любовникъ.—(Такимъ красавцемъ Тампіо считалъ себя).—Какъ пятно, необходимъ чернокожій борецъ. Мы имѣемъ Гассана. Роль комическаго клоуна исполняетъ этотъ дуракъ Самсонъ. Въ качествѣ загадочнаго борца мы имѣемъ Мацуто Необходимъ великанъ.

— А Сидоровъ?

Тампіо сдѣлалъ гримасу.

— Сидоровъ—дубина, мужикъ. Нуженъ такой великанъ, чтобы публика обалдѣла. Посмотришь только на него—страшно дѣлается...

Леонтовичъ словно проникъ въ эти тоскующія мечты о великанѣ и рѣшилъ использовать Карусо.

— Я его продамъ.

И онъ продалъ великана, получивъ за него съ Тампіо пятьдесятъ рублей.

А Карусо зарабатывалъ каждый день четвертной билетъ. Его много и шумно рекламировали. Онъ былъ перекрашенъ въ кофейный цвѣтъ. Не весь, а только лицо, шея и руки. Тампіо придумалъ для него какой-то опереточный нарядъ изъ фантастическихъ тряпокъ. Карусо важно, молчаливо гулялъ по

дорожкамъ коломенской „Андалузіи“ За нимъ устремлялась толпа. Ходили по пятамъ, осматривали, забѣгали впередъ, пытались вызвать на разговоръ. Но всѣ отвѣты Карусо ограничивались густымъ низкимъ рычаніемъ. Мальчишки юркими воробьями кидались вразсыпную. Эффектъ получался ошеломляющій. Тампіо рекламировалъ великана Гуцеолой, послѣднимъ вождемъ краснокожаго вымирающаго американскаго племени. Леонтовичъ и его газетные пріятели старались во всю. Они писали, что Гуцеола на родинѣ вступалъ въ рукопашную съ пятнистыми яугарами и, какъ жалкихъ котятъ, душилъ ихъ своими чудовищными пальцами. Много писали... Бумага все терпитъ...

И на сцену вождь вымирающаго племени выходилъ не въ трико, а въ своихъ фантастическихъ тряпкахъ. Ринувшись на противника, онъ скрежеталъ зубами, дико рычалъ, строилъ ужасныя, прямо кошмарныя рожи... И, не давая опомниться ошеломленному борцу, въ сорокъ секундъ—въ минуту бросалъ его на коверъ „мертвымъ“ переднимъ поясомъ.

Карусо поднялъ сборы. Такого борца еще никто не видѣлъ. Задремавшій интересъ къ борьбѣ проснулся вновь. Тампіо искусно и умѣло подогрѣвалъ его. То онъ выпускалъ краснокожаго вождя на десяти-пудоваго силача Самсона и Карусо въ двѣ—три минуты „ломалъ“ грузную безформенную тушу и, какъ жалкую собаченку, швырялъ на коверъ. Швырялъ Самсона, который гнулъ пятаки и, мускулами рукъ, свободно, безъ усилій разрывалъ цѣпи.

То вмѣстѣ съ Гуцеолой появлялся ма-

ленькій, худенькій Мацуто. При видѣ одной этой пары, такъ ярко напоминающей Слона и Моську, публика начинала хохотать безудержно веселымъ смѣхомъ. Но это уже не были минутныя схватки. Карусо и японецъ боролись подолгу. И все время театръ, какъ пожаромъ, охваченъ былъ густымъ, шумнымъ хохотомъ... Мацуто приводилъ въ бѣшенство „послѣдняго вождя“ своей неуловимостью. Юркій и упругій, какъ ящерица, проскальзывалъ онъ невредимо и ловко межъ слоновыми ногами Карусо. Не успѣвалъ великанъ опомниться, какъ Мацуто однимъ гибкимъ кошачьимъ прыжкомъ вскакивалъ ему на спину. Карусо пытается его схватить, но японецъ уже летитъ черезъ голову, уже на коврѣ и, подавшись впередъ, вытянувъ руки, уже готовъ отразить нападеніе великана.

Правда, всѣ эти штуки врядъ-ли можно было назвать пріемами французской борьбы, но это было веселое комическое зрѣлище, что въ сущности и требовалось доказать. Тампіо зналъ свою публику.

Кто-то спросилъ его:

— Отчего у васъ такъ много балаганятъ?

— Э, проше-пана, развѣ публика понимаетъ серьезную борьбу? Это для спортемэновъ, а здѣсь серьезная борьба разогнала бы всѣхъ. Здѣсь нуженъ циркъ.

И Тампіо культивировалъ циркъ.

Самъ онъ шесть разъ боролся съ Гуцеолой безрезультатно. Это дало шесть полныхъ сборовъ, настолько полныхъ, что брали двойныя цѣны за приставныя кресла. Во второй разъ, когда схватка продолжалась пятьдесятъ двѣ минуты, Тампіо отказался бороться. Онъ

заявилъ судьямъ, что Гуцеола нестерпимо больно сжимаетъ руки. И при этомъ показывалъ всѣмъ свою мускулистую руку съ кровоподтекомъ въ видѣ алаго вспухшаго браслета.

Судьи качали головами...

Поклонники и поклонницы Тампіо свистѣли Гуцеолѣ. Студентъ Гусевъ настаивалъ на продолженіи схватки:

— Прошу одну минуту вниманія... Правилами французской борьбы не запрещается зажимать руки противнику. Кто же мѣшаетъ пользоваться этими пріемами и Тампіо? У Гуцеолы ничего нѣтъ, кромѣ его исполинской силы, а на сторонѣ Тампіо ловкость, опытность и техника одного изъ лучшихъ борцовъ міра...

Апплодисменты.

— Браво, Гусевъ, браво, молодецъ Гусевъ!

Студентъ обвелъ публику яснымъ, довѣрчивымъ взглядомъ своихъ красивыхъ, голубыхъ глазъ и приподнялъ фуражку.

А Тампіо, размахивая руками, пожимая плечами, переходилъ отъ одного судьи къ другому и что-то говорилъ, говорилъ съ негодующимъ лицомъ...

Театръ шумѣлъ, волновался, кричалъ.

Гуцеола, неподвижный, еще болѣе громадный въ своихъ цвѣтныхъ тряпкахъ, стоялъ посреди сцены съ безучастнымъ видомъ дикаря, который ничего не понимаетъ и которому все равно. Въ двухъ шагахъ отъ него, среди газетныхъ рецензентовъ, сидѣлъ Леонтовичъ, буквально помирая и корчась отъ душившаго истерическаго смѣха. Гусевъ отвелъ

въ сторону Гуцеолу и послѣ минутнаго разговора съ нимъ, скорѣй мимическаго, вплотную подошелъ къ рампѣ и вновь приподнялъ фуражку. Его зычный голосъ покрылъ хаотическій гулъ толпы:

— Прошу одну минуту вниманія...

Все сразу стихло.

— Гуцеола обѣщалъ мнѣ не злоупотреблять своими грифами и пользоваться ими только въ самые опасные, критическіе моменты...

— Браво, Гуцеола, браво, Гусевъ!

Студентъ умѣлъ вліять на публику и она любила его, любила за бравую молодцоватую фигуру, за искусство и умѣнье найтись во всякое время и за голосъ, которому позавидовалъ бы протодіаконъ Успенскаго собора.

Только послѣ седьмой схватки удалось Тампіо положить великана. Это былъ эффектный пріемъ, явившійся у Тампіо по вдохновенію. Изогнувшись, онъ далъ возможность противнику всей страшной тяжестью обрушиться себѣ на спину. Тампіо мгновенно выпрямился, какъ стальная пружина и, мелькая руками, ногами, тряпками, вождь вымирающаго племени описалъ въ воздухѣ дугу и грузно—затрещалъ даже помостъ!—самъ тутъ же уложилъ себя на обѣ лопатки. Тампіо оставалось только придержать его. Вся „Андалузія“ устроила Тампіо овацію, походившую на Цезарскій тріумфъ. Не доставало лишь вѣнковъ.

ГЛАВА V.

Въ Эстляндіи, у себя на родинѣ, Тампіо учился въ реальномъ училищѣ. Уже въ послѣднихъ классахъ онъ тяготѣлъ больше къ французской борьбѣ и атлетикѣ, чѣмъ къ учебникамъ.

Еще воспитанникомъ шестого класса выходилъ онъ бороться въ Ревельскомъ циркѣ. Конечно, подъ вымышленнымъ именемъ и съ намазанными жженой пробкой усами. Но, не смотря на гримъ, начальство узнало своего питомца, и его чуть не выгнали.

За Тампіо вступились многія вліятельныя въ городѣ лица и просили директора не исключать его. Дѣло въ томъ, что Тампіо блестяще поддержалъ честь своего роднаго Ревеля. Ловкій и гибкій, какъ змѣя, красиво положилъ онъ сильнаго, неуклюжаго противника.

Ушло съ тѣхъ поръ лѣтъ восемьнадцать. Весь поглощенный борьбой, интригами, коварствомъ, сплетеніемъ всевозможныхъ комбинацій и хитростей, Тампіо ничего не читалъ, кромѣ газетныхъ рецензій о спортѣ. Туманно, неясно бродили въ его головѣ уцѣлѣвшіе клочки и обрывки училищныхъ знаній. Кое-что осталось. Напримѣръ, онъ къ мѣсту, и не безъ юмора, употреблялъ выраженіе „Пирова побѣда“. Но если-бъ его вдругъ спросить, кто написалъ „Мертвыя души“—Тампіо, пожалуй, не отвѣтилъ бы.

Человѣкъ отъ природы не глупый и способный, онъ не былъ чуждъ извѣстныхъ психологическихъ наблюденій. Кочуя изъ страны

въ страну, изъ города въ городъ, борясь то въ Лиссабонѣ, то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ, то въ Харьковѣ, онъ присматривался къ публикѣ, и, сообразно впечатлѣнію, держалъ себя, ища популярности и рекламы.

Въ этомъ отношеніи онъ преуспѣвалъ больше всѣхъ. Ни одинъ борецъ не могъ похвастаться такой обширной „литературой“ о себѣ, какую съумѣлъ создать славолюбивый Тампіо. Его безчисленные портреты печатались въ итальянскихъ, нѣмецкихъ, шведскихъ и русскихъ журналахъ. Но гдѣ онъ былъ настоящимъ кумиромъ, божкомъ—это у себя въ Эстляндіи. Эстонцы гордились имъ, какъ первымъ, самымъ знаменитымъ человѣкомъ своего племени. Они хотѣли выбрать его депутатомъ въ думу, искренне сожалѣя, когда онъ отказался:

— Мнѣ нельзя будетъ тогда разъѣзжать...

Немного погодя, Тампіо думалъ иначе:

— Нѣтъ, мнѣ слѣдовало, проще пана, пойти въ депутаты; какая это была бы грандіозная реклама! Послѣ этого я набавилъ бы свой гонораръ. Борца-депутата у насъ еще не было...

Товарищи въ шутку называли Тампіо „Чухонскимъ богомъ“.

Вотъ что продѣлалъ однажды этотъ чухонскій богъ въ Ревельскомъ циркѣ.

Объявилъ въ газетахъ и афишахъ, что въ присутствіи публики, броситъ на голову себѣ, съ высоты нѣсколькихъ футовъ, тяжелую семи-пудовую штангу. Такихъ сенсаціонныхъ зрѣлищъ еще не видывалъ древній городъ со дня своего основанія...

Тампіо, этотъ кумиръ, божокъ, добровольно разможитъ себѣ черепъ! Любопытство

достигло необычайныхъ размѣровъ. Нѣсколько дней только и говорили объ этомъ. Дирекція цирка удвоила входную плату. Но это никого не остановило. Циркъ былъ переполненъ. Изъ имѣній съѣхались бароны съ семьями. Вся знать города была на лицо...

Никто и не смотрѣлъ обычной программы; всѣ ждали выхода Тампіо. Наконецъ, онъ вышелъ подъ громъ неистовыхъ рукоплесканій, подъ шумъ восторженныхъ овацій. Вышелъ въ тѣлесномъ шелковомъ трико съ самодовольной и вмѣстѣ заискивающей улыбкой... Онъ всегда заискивалъ у публики, даже у своей, эстонской. Но это не мѣшало ему въ моменты нервнаго возбужденія браниться и грозить кулаками. Правда, онъ разрѣшалъ себѣ такія выходки лишь въ Россіи. На западѣ борецъ, позводившій малѣйшую некорректность, дружнымъ негодующимъ свистомъ изгоняется прочь съ арены.

Два цирковыхъ служителя въ ботфортахъ и бѣлыхъ рейтузахъ, принесли и бросили на полъ семи-пудовую штангу.

Замеръ послѣдній хлопокъ... Тишина мертвая. Тампіо выждалъ паузу и началъ по-эстонски:

— Чтобъ доставить почтеннѣйшей публикѣ удовольствіе, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Я готовъ даже во цвѣтѣ лѣтъ пожертвовать собственной жизнью. И то не хвастливая фраза. Сейчасъ я брошу себѣ на черепъ эту штангу. Желающіе могутъ убѣдиться въ ея настоящемъ вѣсѣ. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, я попрошу всѣхъ очаровательныхъ дамъ, оказавшихъ мнѣ честь своимъ присутствіемъ, изъ первыхъ рядовъ пересѣсть даль-

ше,—не ближе восьмого ряда. Дѣло въ томъ, что брызнувшіе мозгъ и кровь могутъ запачкать дамскіе туалеты... Я начинаю, прошу вниманія...

Тампіо, кокетливо изогнувшись, схватилъ штангу, выжалъ ее высоко надъ головою и замеръ...

Мгновенье напряженной тишины, и весь циркъ дрогнулъ, ожилъ и поднялся невообразимый шумъ, топотъ и крикъ. Всѣ кричали—бароны, дамы, лавочники, плебсъ галерки:

— Да здравствуетъ Тампіо!!

— Да будетъ живъ! Да будетъ живъ нашъ господинъ Тампіо!

Борецъ продолжалъ неподвижно стоять со штангой на вытянутыхъ мускулистыхъ рукахъ. Горячій протестующій шумъ разросталсяя... Нѣсколько человѣкъ, перепрыгнувъ барьеръ, подбѣжали къ Тампіо, умоляя его не убивать себя.

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшилъ остаться въ живыхъ. Онъ такъ далеко и сильно бросилъ штангу, что она зарылась на половину въ песокъ арены.

При всей смѣлости, Тампіо дерзалъ прибѣгать къ подобнымъ трюкамъ лишь въ собственномъ „отечествѣ“. Но и повсюду выступленіе его сопровождалось тѣми или другими фокусами. Въ Минскѣ и Вильнѣ—въ городахъ, населенныхъ евреями, онъ боролся подъ псевдонимомъ Исаака Тамермана. Этимъ онъ сразу овладѣлъ симпатіями всего мѣстнаго еврейства. На почтѣ онъ умышленно громко и ломаннымъ жаргономъ спрашивалъ себѣ письма.

Евреи говорили съ гордостью:

— Тамерманъ—это нашъ, это первый борецъ въ мірѣ, это нашъ еврей, наша кровь!!.

И циркъ ломился отъ публики.

Въ Варшавѣ онъ „игралъ поляка“ На улицѣ, въ кофейнѣ, въ ресторанахъ поминутно, за каждой фразой, повторялъ „проше пана“ „бардзо добже“ и „вшистко едно“ Это вошло у него въ привычку. Тампіевское „проше пана“ можно было слышать въ любомъ русскомъ и заграничномъ городѣ.

Онъ любилъ говорить о человѣческой фальши, неискренности—самъ же всегда и во всемъ избѣгалъ прямыхъ путей. Это былъ борецъ Макіавелли. Гдѣ бы ни появлялся, онъ приносилъ съ собой атмосферу лжи, коварства, интригъ, предательства.

Безъ всего этого онъ не могъ существовать. Такъ это тѣсно переплелось въ немъ.

Въ немъ было какое-то обаяніе, онъ умѣлъ подчинять себѣ. Вокругъ него всегда группировалась кучка борцовъ приспѣшниковъ, готовыхъ ради Тампіо въ огонь и въ воду. Тупымъ, покорнымъ и безсловеснымъ орудіемъ являлись они въ его рукахъ.

Онъ умѣлъ, какъ никто, сдѣлать борьбу занимательной. Если онъ не стоялъ на программѣ, публика скучала. Если онъ боролся не въ первой парѣ, зрители настойчиво требовали выпустить сначала Тампіо.

Онъ щеголялъ то изумительной ловкостью акробата, гимнаста, весь такой легкій, гибкій, скользкій, то смѣшилъ театръ клоунскими прыжками и экспрессіей бритаго подвижного лица.

Студентъ Гусевъ называлъ Тампіо боль-

шимъ актеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ артистически подогрѣвалъ интересъ.

— Моя система—говорилъ онъ—чтобы публика никогда не была спокойна; пускай себѣ смѣется, сердится, ругается, пускай махаетъ мнѣ кулаками, только бы она волновалась; это успѣхъ, это хорошо!

На неуспѣхъ онъ не могъ пожаловаться. Даже въ невыгодные для себя моменты. Когда въ Кіевѣ эстонецъ Ауэръ положилъ его, группа студентовъ-поклонниковъ на другой день поднесла Тампіо вѣнокъ.

На широкой лентѣ значилось золотыми буквами:

„ Кумиръ поверженный—все-жъ богъ".

Тампіо отличался рѣдкими организаторскими способностями. Онъ умѣлъ „выдумывать" борцовъ. Какъ плантаторъ, какъ рабовладѣлецъ, спекулировалъ на красотѣ, безобразіи, на чрезвычайной толщинѣ или худобѣ, на маленькомъ или высокомъ ростѣ. Принимались въ разсчетъ и національность. Нѣкоторымъ чернокожимъ борцамъ онъ приписывалъ такую фантастическую родину, что не значилась ни на одной картѣ, ни въ одномъ учебникѣ географіи. Примѣръ великана Карусо-Гуцеолы—одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ замѣчательной изобрѣтательности Тампіо.

Незамѣтно катилось время и докатилось къ тридцать второму году. Для обыкновенныхъ смертныхъ—это молодость. Для бороцовъ—приближеніе старости. Въ сорокъ лѣтъ борецъ уже конченъ. Уходятъ силы, исчезаетъ эластичная твердость мускуловъ, нѣтъ прежней выносливости.

Вотъ уже третій годъ Тампіо не былъ „прежнимъ“ Въ молодости онъ шутя боролся по два часа и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свѣжій, бодрый и сильный, ужиналъ въ компаніи пріятелей, поклонниковъ и женщинъ. Ловкостью и техникой онъ побѣждалъ тѣхъ самыхъ борцовъ, съ которыми теперь пускался на хитрости.

Тампіо не замѣчалъ всего этого. Вѣрнѣе не хотѣлъ замѣчать, объясняя временнымъ переутомленіемъ силъ, которое непремѣнно должно скоро исчезнуть. Онъ, этотъ кумиръ, баловень, тріумфаторъ и не подозрѣвалъ, что его яркая звѣзда понемногу тускнѣетъ, начинаетъ закатываться. Это сознаніе охватило бы его ужасомъ...

Онъ такъ сжился съ огнями рампы, букетами, подношеніями, газетными рецензіями, нарядными женщинами, жадно ищущими его вниманія, что добровольно уйти, разстаться со всѣмъ этимъ,—у него не хватило бы воли

Иногда, лежа ночью въ постели, среди мрака и нѣмой тишины, онъ подозрительно, съ острымъ вниманіемъ и холоднымъ потомъ на лбу, чутко, болѣзнено прислушивался къ какой-то странной и непонятной работѣ, происходившей внутри его. Онъ смутно угадывалъ, что съ сердцемъ его—неладно; и это всякій разъ послѣ долгой и трудной борьбы съ какимъ-нибудь серьезнымъ противникомъ. И онъ вспоминалъ, что во время схватокъ онъ задыхался и ему не хватало воздуха.

Самъ онъ ни за что не пошелъ бы,—лучше сомнѣваться, чѣмъ знать навѣрное страшную драму. Но студентъ Гусевъ, который по

своему любилъ его и дорожилъ имъ, какъ борцомъ, настаивалъ, требовалъ:

— Непремѣнно пойди къ хорошему доктору, спеціалисту по сердечнымъ болѣзнямъ... Любопытно, что онъ скажетъ.

Борецъ оттягивалъ этотъ непріятный визитъ до послѣдней возможности. Наконецъ, Гусевъ не выдержалъ, разлетѣлся утромъ къ нему и поднялъ съ постели:

— На кого ты похожъ? Вѣдь, вотъ упрямый дуракъ! Посмотри въ зеркало: весь желтый, мѣшки подъ глазами... Что еслибъ тебя сейчасъ увидѣли твои бабы! Сорокъ пять лѣтъ можно дать, а не тридцать два. Сію же минуту одѣвайся и маршъ... Я тебя самъ повезу.

Морщась, неохотно сталъ одѣваться невыспавшійся Тампіо. Гусевъ далъ ему наскоро выпить кофе и увезъ.

Медицинская знаменитость съ неподвижнымъ, непроницаемымъ видомъ авгура коротко сказала:

— Раздѣньтесь!..

Тампіо, влюбленный въ свое тѣло, быстро и охотно раздѣлся. Съ такой же готовностью разоблачался онъ въ редакціяхъ, щеголяя передъ сотрудниками своей мускулатурой.

Онъ стоялъ, обнаженный и гордый, самовлюбленный, съ высокой грудью, еще больше ее выпятивъ. Мускулы, будто живые, играя, вздрагивали подъ кожей. Гусевъ сидѣлъ, широко разставивъ ноги и упершись руками въ колѣни. Большіе свѣтлые глаза его смотрѣли серьезно.

Знаменитый профессоръ устремилъ свой

непроницаемый видъ, смѣнившійся любопытствомъ и восхищеніемъ.

— Вы сложены, какъ богъ! У меня еще не было такихъ паціентовъ! Вы, вѣроятно, очень сильный?

Тампіо обрадовался.

— О, я поднимаю на мизинцѣ человѣка, проще пана, а мой мостъ выдерживаетъ двадцать пять пудовъ!

— Мостъ?—удивился профессоръ.

— Но вы, вѣрно, никогда не бываете на борьбѣ?—въ свою очередь удивился Тампіо.— Вотъ я вамъ показываю, что такое мостъ...

Онъ весь перегнулся назадъ, коснувшись руками затянутаго сукномъ пола, а черезъ мгновеніе представлялъ собой живую, упругую арку, укрѣпленную на трехъ точкахъ—голова и ноги.

— Будетъ, встань, у профессора нѣтъ времени любоваться твоимъ... мостомъ,—сказалъ Гусевъ.

Профессоръ долго и внимательно осматривалъ борца. Выслушивалъ, выстукивалъ.

— У васъ плохое сердце. Если вы желаете сохранить себя и дорожите жизнью, надо бросить бороться.

Тампіо отшатнулся даже.

— Бросить бороться!

— Да! Простите нескромный вопросъ: Вы человѣкъ со средствами?

— У меня найдется тысячъ двѣсти...

— И великолѣпно! На вашъ вѣкъ хватитъ. Часто боретесь?

— Почти каждый день.

— Вы себя губите—это медленная смерть. И мускулатура ваша не та, вѣроятно, что бы-

ла раньше. Мышцы—замѣтно переутомлены и—вы простите мою откровенность,—истрепались, износились. Вообще, я принципіальный врагъ борьбы и считаю ее безусловно вреднымъ для здоровья спортомъ...

ГЛАВА VI.

Гусевъ и Тампіо спускались по лѣстницѣ.

— Вотъ видишь, кто правъ?—сказалъ Гусевъ.

Тампіо, весь красный, въ приливѣ раздраженія громко бранился, не стѣсняясь швейцара.

— Вретъ, какъ собака, твой профессоръ! Ни черта онъ не понимаетъ... Пускай говоритъ, что хочетъ, а сердце мое въ порядкѣ. Истрепались мускулы!!! Я вамъ всѣмъ показываю... Слушай, Гуськантини, завтра же я работаю передъ публикой съ тяжестями, я покажу, какіе у меня мускулы, а потомъ еще буду бороться. Онъ ничего не понимаетъ! Я такъ и хотѣлъ дать въ морду... Почему ты меня возилъ къ нему?

— Брось, оставь, Робертъ, ну, чего ты ломаешься, нервный дуракъ!

Они шли по улицѣ и всѣ на нихъ оборачивались, потому что всѣ знали ихъ. А кто не зналъ—и тѣмъ было любопытно. Приземистый Гусевъ въ длинномъ студенческомъ сюртукѣ поражалъ чудовищной шириной своихъ плечъ; и при этомъ—красивое безбородое открытое мальчишеское лицо.

Тампіо, элегантно одѣтый, былъ такъ гармонично сложенъ, что не производилъ впечатленія атлета. И кто не зналъ его въ лицо, думалъ:

Какая фигура!

Встрѣчали знакомыхъ и спортсмэновъ-любителей. Они за версту спѣшили поклониться, высоко приподнимая шляпы.

Тампіо спрашивалъ себя: такъ ли они его привѣтствовали бы, зная, что ему сказалъ сейчасъ этотъ профессоръ... Этотъ оселъ и болванъ!...

— Пустяки, возьму другого массажиста, брошу пить, и буду опять прежнимъ Тампіо,— успокаивалъ онъ себя.—Да еще надо бабъ всѣхъ гнать къ чорту! тогда все хорошо...

Но Гусевъ былъ другого мнѣнія.

— Отдыхъ тебѣ необходимъ, братъ... Завтра надо отдохнуть и послѣ завтра—нѣсколько дней. И знаешь, Робертъ, кромѣ здоровья это еще и въ другомъ отношеніи полезно. Публика скажетъ: если онъ борется каждый день,— значитъ борьба не серьезная,—швиндель. И такъ, дружище, мы всѣ на подозрѣніи и у публики, и у прессы... Зачѣмъ же давать лишніе козыри... Согласенъ?

Въ тонѣ Гусева Тампіо улавливалъ какія-то особыя, смѣлыя, предписывающія нотки.

Раньше студентъ не говорилъ такъ съ нимъ. Борецъ раздражался все больше и больше.

— Да ну васъ всѣхъ! Чего ты отъ меня хочешь? Хорошо, я не буду бороться ни завтра, ни послѣ завтра—никогда!.. Хочешь, чтобы я умеръ? Потому что, если я не буду бороться, то я умру.

— Наоборотъ, я хочу твоего долголѣтія и

потомъ,—въ интересахъ дѣла. Впрочемъ, сейчасъ съ тобой нельзя говорить...

И раньше Гусевъ позволялъ себѣ бранить Тампіо, но это выходило у него по пріятельски. Теперь же борецъ усматривалъ желаніе менторствовать, опекать. И кто же, кто, мальчишка? Онъ былъ еще гимназистомъ, когда Тампіо уже гремѣлъ и пожиналъ лавры.

Все раздражало его. И Ванька, на которомъ онъ ѣхалъ, и улица, и прислуга, долго не отворявшая и, къ довершенію всего, его домашній докторъ Древсъ. Бритый миніатюрный докторъ лежалъ еще въ постели и важно курилъ большую сигару. Тампіо терпѣть не могъ табачнаго дыма. Онъ разъ навсегда запретилъ Древсу курить дома.

— Это еще что за нахальство?—спросилъ онъ по-нѣмецки.

— А что?—удивился докторъ.

— Какъ что! Негодяй!

Тампіо сдавилъ руку Древса такъ сильно, что пальцы побѣлѣли, разжались и сигара выпала. И вслѣдъ за этимъ—подзатыльникъ! Доктору не въ диковинку было, что Тампіо давалъ волю рукамъ. Но такихъ подзатыльниковъ онъ еще не получалъ отъ своего патрона. Древсъ потерялъ сознаніе. Тампіо брызнулъ въ него водой. Когда докторъ началъ приходить въ себя, борецъ сказалъ:

— Вы знаете, чортъ васъ подери, я терпѣть не могу дышать табачнымъ дымомъ... Вотъ что, проще пана: потрудитесь завтра явиться въ „Андалузію“ въ смокингѣ и цилиндрѣ, даже лучше во фракѣ,—я буду поднимать васъ на мизинцѣ. Съ утра уже не надо ни чего кушать... Никогда не являйтесь въ садъ шу-

томъ гороховымъ, какъ вчера: бархатный пиджакъ, фрачный жилетъ, фрачные панталоны и желтые сапоги. Всѣ смѣются. Кто этотъ оселъ?—спрашиваютъ. „Это докторъ Тампіо". Хорошая мнѣ реклама! Чтобъ этого мнѣ больше не было!..

— Хорошо, герръ Тампіо, хорошо. Только вы меня больше не бейте по головѣ, а то я могу сдѣлаться идіотомъ.

— Глупѣй не будете,—утѣшалъ его борецъ.

— Хорошо, хорошо,—погрозилъ пальцемъ докторъ, а вы скажите, будете сегодня на Фонтанкѣ... она васъ ждетъ...

— На Фонтанкѣ?—соображалъ Тампіо, наморщивъ свои широкія свѣтлыя брови.—Ну ее къ чорту, надоѣла!.. И вотъ что, докторъ, не смѣйте мнѣ больше передавать никакихъ записочекъ... Никакихъ новыхъ знакомствъ не желаю.

Бритое личико Древса сморщилось въ гримасу.

— Вы поступаете въ монахи?

— А вамъ досадно, что вы лишитесь заработка? Я же знаю—за каждое знакомство вы получаете комиссіонныя. Ахъ, докторъ, какой вы мошенникъ!

По случаю завтрашняго торжества докторъ Древсъ гулялъ вечеромъ по саду умопомрачительнымъ щеголемъ. На маленькой выстриженной головѣ—матовый, высокій шапоклякъ. Бѣлый галстухъ, смокингъ и, несмотря на запрещеніе Тампіо,—желтые ботинки.

Онъ ходилъ въ публикѣ небрежной походкой,—руки въ карманахъ. Его многіе знали; онъ гордился своей популярностью.

— Докторъ, когда васъ будутъ поднимать на мизинцѣ?

— Завтра,—отвѣчалъ онъ внушительно съ серьезнымъ лицомъ, но не выдерживалъ роли, предлагая собесѣдникамъ побороться:

— Я васъ сейчасъ... tour de tête... На обѣ лопатки. Пойдемъ въ буфетъ, пьемъ немножко коньякъ...

Забавный докторъ состоялъ при Тампіо года четыре. Борецъ выудилъ это сокровище въ Берлинѣ. Древсъ былъ тамъ жонглеромъ въ Винтергартенѣ. Худощавый, вѣсомъ въ три пуда—онъ плѣнилъ Тампіо тѣмъ, что его легко можно поднимать на мизинцѣ. Это первое внѣшнее впечатлѣніе, а потомъ обнаружились и другія, внутреннія качества. Являлось желаніе у Тампіо кутнуть—Древсъ былъ отличнымъ собутыльникомъ. Онъ могъ пить и пить много въ любое время, когда лишь пожелаетъ патронъ. Докторъ пользовался такими выгодными для себя моментами. Требовалъ дорогихъ закусокъ, фруктовъ, ликеровъ... Но выпадали и дни черные—дни опалы. Тампіо срывалъ на немъ свои неудачи, свои нервы и Древсу влетало. Подзатыльники, пинки ногой, пощечины...

Иногда онъ совсѣмъ изгонялся и былъ принужденъ жить отдѣльно. Съ теченіемъ времени Тампіо смѣнялъ гнѣвъ на милость и докторъ водворялся у него снова.

Нѣкоторые борцы, что не знали еще Древса, но слышали кругомъ: „докторъ, докторъ“,—принимали его въ самомъ дѣлѣ за доктора. Они обращались къ нему за совѣтами. Древсъ напускалъ важный видъ, осматривалъ ихъ и не допускающимъ возраженія тономъ говорилъ, что надо дѣлать. Свое нахаль-

ство онъ простиралъ даже до писанія рецептовъ.

Весь частный и артистическій гардеробъ Тампіо былъ у него на рукахъ. Безчисленные трико всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, подношенія, вѣнки, медали, костюмы. Во время борьбы Древсъ въ цилиндрѣ и смокингѣ стоялъ въ кулисахъ, держа на готовѣ мохнатую простыню. Минутный перерывъ—и онъ растиралъ своего разгоряченнаго господина.

За четыре года совмѣстныхъ скитаній Древсъ до тонкостей успѣлъ изучить всю сложную технику французской борьбы. Въ моменты, когда Тампіо лежалъ въ партерѣ и не могъ видѣть, что замышляетъ работающій надъ нимъ противникъ, докторъ изъ кулисъ подавалъ своему патрону условные знаки. Этотъ безпроволочный телеграфъ заключался въ движеніи губъ, всевозможныхъ гримасахъ, прищуриваніи глазъ. Тампіо на диво успѣлъ вышколить Древса. Разъ докторъ ошибся,—вмѣсто праваго глаза сощурилъ лѣвый. Эта оплошность чуть не обошлась Тампіо въ пораженіе. Кончилась борьба, докторъ какъ ни въ чемъ не бывало, съ розой въ петличкѣ, гулялъ по саду въ сопровожденіи какой-то дѣвицы и вралъ ей съ три короба. Подбѣгаетъ оффиціантъ съ салфеткой.

— Докторъ, господинъ Тампіо васъ немедленно требуютъ... Они въ кабинетѣ А.

— Я сейчасъ приходитъ,—сказалъ докторъ дѣвицѣ, оставляя ее.

Въ кабинетѣ А. Тампіо надавалъ ему пощечинъ. Бритое лицо бѣднаго Древса распухло и вернуться къ своей дамѣ онъ не рѣшился.

Но главная роль Древса заключалась въ довольно щекотливыхъ обязанностяхъ и порученіяхъ любовнаго секретаря. Каждый день докладывалъ онъ своему господину, что съ нимъ жаждутъ познакомиться такая-то и такая-то. Подробно расписывалъ туалеты, внѣшность. И Тампіо выбиралъ:

— Скажите, пускай приходитъ—я самъ посмотрю...

Женщины заискивали у доктора, охотно задаривали его. Онѣ чуяли въ немъ извѣстную силу: черезъ его руки идетъ вся корреспонденція. Въ его доброй волѣ не передать письмо, уничтожить, не доложить во время. И мудрено-ли, что у доктора появлялись необыкновенные дорогіе галстухи, жилеты, булавки, дешевыя золотыя кольца; перепадало и деньгами.

Словомъ, онъ, какъ сыръ въ маслѣ катался. Безпечальная жизнь на всемъ готовомъ и сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Это вѣчное бездѣлье омрачалось иногда желѣзными подзатыльниками, но докторъ Древсъ относился къ нимъ философски. Онъ не страдалъ ни чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, ни особенной чувствительностью...

ГЛАВА VII.

Вѣчный студентъ Гусевъ жилъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, профессоромъ математики. Они любили другъ друга—эти ни въ чемъ ни похожіе братья. Гусевъ старшій—былъ типичный профессоромъ. Тщедушный, покатыя плечи. Близорукій, подслѣповатые глаза, вооружен-

ные очками. У тонкихъ губъ—чахлые усы и бородка. Выпуклый лобъ, переходившій въ голый сверкающій черепъ.

Человѣкъ хилый, боявшійся простудиться, онъ, идя въ „Андалузію“ теплымъ, лѣтнимъ вечеромъ, надѣвалъ осеннее пальто и калоши. Онъ считался однимъ изъ выдающихся математиковъ. Его руководство начертательной геометріи признавалось образцовымъ. Онъ былъ виднымъ членомъ всѣхъ математическихъ съѣздовъ заграницей.

Никто и вѣрить не хотѣлъ, что вѣчный студентъ съ могучими формами, олицетвореніе здоровья и мускульной силы,—родной братъ маленькаго и худенькаго ученаго заморыша.

Они не мѣшали другъ другу. Посѣтители и гости у нихъ были разные. Къ профессору ходили студенты, заглядывалъ иногда какой-нибудь влюбленный въ него приватъ-доцентъ. А къ младшему Гусеву то-и-дѣло шатались атлеты, крупные, тяжелые, массивные. Осторожно, боясь разломать въ щепы, садились они на стулья. Для нихъ нужна была другая мебель, мебель гигантовъ. Бывали спортсмэны, любители изъ общества. И все это холеное, мускулистое, откормленное.

На половинѣ профессора часто говорили о горизонтальныхъ и вертикальныхъ проэкціяхъ, синусахъ, косинусахъ, тангенсахъ.

У Гусева младшаго спорили о нельсонахъ, мостахъ, пируэтахъ, выжиманіи, выталкиваніи, о легкой и тяжелой атлетикѣ.

Братья благодушно посмѣивались другъ надъ другомъ. Нерѣдко между ними завязывались приблизительно слѣдующіе діалоги:

— Какъ тебѣ не стыдно, Владиміръ, что за профессію ты избралъ? Ходишь въ своихъ ботфортахъ со свисткомъ по сценѣ и дрессируешь этихъ толстыхъ дураковъ.—Совсѣмъ содержатель звѣринца. Нечего сказать, очень интеллигентное занятіе!

Владиміръ улыбался.

— А тебѣ кѣмъ хотѣлось бы меня видѣть?

— Странный вопросъ! Кончилъ бы ты университетъ, сдалъ бы государственный экзаменъ...

— Ну, а дальше что?

— Какъ что? служба, карьера!

— Покорнѣйше васъ благодарю, ученый братецъ! Кандидатомъ на судебныя должности, помощникомъ присяжнаго? или судебнымъ слѣдователемъ куда-нибудь въ Оршу? Mersi вамъ, я уже смѣялся...

— Напрасно. Правда, это скромное положеніе, но лучше все-же, чѣмъ ходить со свисткомъ...

— Каждому свое. Такихъ тысячи, а я одинъ. У меня своя физіономія.—Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, а меня знаетъ вся Россія.

— Ну, голубчикъ, это популярность дешевая, рыночная, у подзаборной публики. Если гоняешься за нею—такъ Дуровъ еще большая знаменитость.

— Ладно, ладно! Дуровъ — человѣкъ чрезвычайно талантливый; вашимъ профессорамъ еще побѣгать за нимъ. Однако, тебя спрашиваютъ, ты же самъ говорилъ: „Профессоръ, вы —не родственникъ профессора атлетики Гусева“? Ты обидѣлся и отвѣтилъ:—„Онъ—мой родственникъ“.

— Такъ что же изъ этого? Мало—ли дураковъ. Кстати, какой же ты профессоръ?

— Такой же, какъ и ты. Ахъ, ты чинуша—чинуша, вотъ онъ бюрократическій взглядъ! Вамъ непремѣнно дипломъ подай.—А знаешь ли ты, что въ Германіи мое руководство французской борьбы перевели на нѣмецкій языкъ?

— Знаю, знаю, ты мнѣ этимъ всѣ уши прожужжалъ; такъ что же? Какой только нынче вздоръ не печатаютъ и не переводятъ!..

— Твои учебники—наглядный примѣръ, не правда—ли?

— Ну, будетъ, не перемѣнить ли намъ тему?

— Изволь. Не я первый началъ...

— Но и не я, кажется...

— Какъ бы то ни было, мой трудъ оплачивается въ десять разъ противъ твоего.

— Скажите, пожалуйста, какой вѣскій аргументъ. Канатоходецъ Блонденъ нажилъ милліонное состояніе.

— Такъ я по—твоему Блонденъ?

— Не совсѣмъ, но около...

— Спасибо, ученый братецъ. Въ самомъ дѣлѣ, лучше оставить, а то переругаемся...

Но до этого никогда не доходило у нихъ. Посмѣются, пошутятъ—и кончено.

Профессоръ бывалъ на борьбѣ и даже интересовался ею постольку, поскольку любилъ брата, котораго онъ воспитывалъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Владиміръ ничего не скрывалъ отъ него, посвящалъ во всѣ закулисныя тайны „международнаго чэмпіоната“

Вотъ и теперь онъ спросилъ озабоченно:

— Скажи, какъ свѣжій человѣкъ, со стороны, ты ничего не замѣчаешь въ Тампіо?

— А что?

— Ну, какъ по—твоему, онъ въ прежнихъ формахъ, или нѣтъ?

— По—моему нѣтъ. Онъ раньше былъ какъ-будто интереснѣе, сильнѣе.

— То-то и оно. Скоро совсѣмъ измотается. Самъ виноватъ, дуракъ.

— Да и нахалище же твой Тампіо! Помню, мы разъ сидѣли за столикомъ—ты еще куда-то ушелъ; такъ онъ прочелъ мнѣ лекцію по механикѣ, о законахъ давленія, о тяжестяхъ и всѣ—удивительный наглецъ!

— Этимъ онъ всегда и бралъ. А борецъ прекрасный. Прыгаетъ много... Публикѣ нравится, онъ и валяетъ клоуна. И Ауэръ тоже хорошъ. Вообще съ этими чухонцами гибель хлопотъ. Имъ, изволите ли видѣть, и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Одно изъ двухъ: либо деньги, полные сборы, либо —реклама. А чухонцамъ подай и того и другого. Злятся теперь на меня. Я имъ говорилъ: кто-нибудь изъ васъ въ интересахъ дѣла долженъ лечь подъ Мартинсона...

— Ахъ, какой здоровенный шведъ! Вотъ силища!—покачалъ головой профессоръ.— Какъ ты думаешь, если въ—чистую,—положитъ онъ чухонца?

— Ауэра—врядъ-ли, Тампіо—пожалуй. Заломаетъ силой... Но вотъ именно мнѣ и хотѣлось бы, чтобы онъ бросилъ Ауэра. Публика тогда не кричала бы: „хозяинъ, хозяинъ“ Себѣ же дураки всю обѣдню портятъ. Надо придумывать что-нибудь новое. Чухонцы выдохлись, примелькались.

— Ну, а этотъ вождь Майнридовскихъ ин-

дѣйцевъ? Кстати, что его не видать?

— Ужъ больно глупая орясина. Пьянствуетъ, скандалитъ въ трактирахъ. Сначала заинтересовалъ, ходили на него, а потомъ... Нѣтъ, надо что-нибудь потоньше. Нуженъ первый любовникъ вмѣсто чухонца. Бабъ станетъ много ѣздить, это поднимаетъ сборъ. Ты знаешь, когда Констанъ ле Террэнъ борется, рублей на триста въ кассѣ больше. Жаль, законтрактовался въ Парижѣ, а то бы я настоялъ, чтобы его выписать.

— А онъ броситъ Тампіо, еслибъ... еслибъ... это ему позволили?

— При чемъ тутъ позволеніе? Заграницей бросалъ, да и у насъ теперь броситъ.

— Да скажи, пожалуйста, что это у васъ за туша Розенбахъ? Козелъ отпущенія. Выходитъ съ голыми колѣнками, въ своемъ тирольскомъ костюмѣ, словно изъ оперетки выскочилъ; и всѣ кладутъ его, всѣ, кому ж лѣнь.

— Бывшій трактирщикъ. Колбасы готовитъ, —пальчики оближешь! Э, Тампіо у меня изъ головы не выходитъ. Сердце у него совсѣмъ дрянь. Можетъ разорваться во время схватки. Предлагалъ ему отдохнуть, какъ же, послушаетъ онъ! Такъ на дыбы и лѣзетъ. Еще годикъ, другой,—спѣта его пѣсенка... Будетъ этого кретина Древса на мизинцѣ поднимать. Развѣ это академическая атлетика? Чухонскіе фокусы. При чемъ здѣсь мизинецъ? Онъ его всей рукой выжимаетъ. Ну, а публика—будетъ охать ахать. Вотъ силачъ! Вотъ молодецъ! Что въ сущности и требуется доказать...

На углу Офицерской и Прачешнаго переулка есть ресторанъ „Тироль“ Хозяинъ—

нѣмецъ и характеръ этого ресторана—строго нѣмецкій. Пиво подаютъ въ какихъ-то необыкновенно тяжелыхъ и необыкновенно внушительныхъ кружкахъ. На стѣнахъ—картины изъ жизни кабачковъ. Тамъ и румяныя, кокетливо улыбающіяся кельнерши, и горные охотники съ голыми колѣнками и толстяки—нѣмецкіе фальстафы съ кружками пѣнящагося пива. Обыкновенно торговля въ „Тиролѣ“ идетъ довольно вяло. Но съ наступленіемъ лѣта, когда въ „Андалузіи“ начинается борьба, „Тироль“ оживаетъ. Онъ превращается въ ресторанъ атлетовъ. Это влечетъ за собой притокъ новой, свѣжей публики, главнымъ образомъ, увлекающейся спортомъ. Этихъ людей тянетъ посмотрѣть борцовъ еще и въ частной атмосферѣ. Многихъ мучитъ любопытство убѣдиться, правда ли, что у борцовъ чудовищный аппетитъ, о которомъ слагаются настоящія легенды. По словамъ Тампіо, силачъ Самсонъ съѣдаетъ въ день двѣнадцать фунтовъ сырого мяса. Если Тампіо и присочинилъ для рекламы, утроивъ обычную порцію Самсона,—то даже три—четыре фунта мяса, да еще сырого, все же могутъ испугать простого смертнаго.

Въ часъ ночи, послѣ борьбы, средняя комната ресторана кажется словно чудомъ перенесенной изъ какого-нибудь германскаго или австрійскаго города. И эти люди, что сидятъ вокругъ большого стола, нѣмцы, датчане, австрійцы, являются въ „Тироль“ не только поужинать, какъ это принято въ Россіи, а идутъ говорить, коротать время въ ресторанѣ за ѣдой и за пивомъ.

Компанія собирается обычная. Тѣ борцы,

которые здѣсь завтракаютъ, обѣдаютъ, ужинаютъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ—тучный съ громаднымъ животомъ тиролецъ Розенбахъ. Онъ никогда не измѣнялъ своему національному костюму. Сѣрая куртка,—за ужиномъ она снимается,—бѣлая вышитая сорочка, короткія панталоны съ цвѣтными кожаными подтяжками. Розенбахъ—типичный колбасникъ по внѣшности. Красное, громадное лицо, могучія руки, громкая, отрывистая рѣчь. Можно подумать, что этотъ добродушнѣйшій человѣкъ все время огрызается, лаетъ. Такой хриплый и густой лай бываетъ у крупныхъ немолодыхъ собакъ.

Розенбаха держали въ чэмпіонатѣ за его чудовищную толщину и костюмъ тирольца. Нелѣпое кричащее пятно настраивало публику юмористически. Но симпатіями онъ не пользовался. Ему свистѣли за грубость пріемовъ, за то, что онъ съ жестокимъ и свирѣпымъ видомъ ломалъ противниковъ, энергично массируя имъ шею своимъ похожимъ на окорокъ локтемъ. И радовались, когда его клали. А клали Розенбаха почти всѣ. Грузно вставая съ ковра, онъ уходилъ сердито бормоча, отплевываясь и непротягивая руки побѣдителю. Сырой, тяжелый Розенбахъ смотрѣлъ на борьбу, какъ на выгодный кусокъ хлѣба. Его кабачекъ, затерявшійся въ горахъ Тироля, приносилъ такъ мало!..

Справа отъ него—всегда Штейнфельдъ. Молодой, безусый и безбородый блондинъ съ красивымъ, задорно-юношескимъ лицомъ. Второй послѣ Тампіо, любовникъ—Штейнфельдъ имѣлъ успѣхъ. Ловкость и дерзкая смѣлость кидаться въ аттаку на сильнѣйшихъ противниковъ, врожденный комизмъ. Штейнфельдъ

корчилъ такія рожи,—со смѣху покатывался весь театръ. Даже фарсовые актеры завидовали экспрессіи его подвижного лица. Драчунъ, забіяка.

Рядомъ съ нимъ—полный, кругленькій, чистенькій датчанинъ Христенсенъ. Что-то мягкое въ его бритомъ и кругломъ лицѣ, въ рѣчахъ, манерахъ. И такъ же мягко съ улыбкой, безъ всякаго раздраженія онъ падалъ на обѣ лопатки.

Рыжій, со щетинистыми усами Ромовъ, хотя былъ и русскій, но отлично владѣя нѣмецкимъ языкомъ, считался своимъ въ этой международной компаніи.

Ужиналъ здѣсь и силачъ—шведъ Мартинсонъ. Человѣкъ съ маленькими медвѣжьими глазками, напоминавшій гранитную глыбу, онъ держался особнякомъ. У него былъ свой отдѣльный столикъ.

Тампіо и Ауэръ никогда не заглядывали въ „Тироль“ Они имѣли своихъ приближенныхъ борцовъ, къ которымъ снисходили и которыхъ подпускали къ себѣ. Да и то не на равныхъ началахъ. Они считали себя аристократами и по положенію и по богатству.

ГЛАВА VIII.

Розенбахъ отхлебнулъ пива и лаконически приказалъ своимъ хриплымъ, отрывистымъ лающимъ голосомъ:

— Цитру!

Лакей принесъ большой, плоскій футляръ. Розенбахъ, сопя, бережно открылъ его. Лакей

очистилъ на столѣ свободное мѣсто, и борецъ положилъ цитру передъ собой. Всѣ насторожились внимательно слушать. И борцы и обыкновенная публика. Розенбахъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, какъ все притихло и не спѣша раскуривалъ погасшую сигару. Дымя, онъ медленно обвелъ взглядомъ комнату. Словно не доумѣвалъ, почему вдругъ все такъ покорно умолкло. Когда пауза по его мнѣнію вышла достаточно длинной, онъ усѣлся плотнѣе, придвинулъ стулъ и налегъ на скатерть рыхлой, сразу переходившей въ необъятный животъ грудью.

Лакеи безшумно скользили на цыпочкахъ, боясь зазвенѣть посудой.

На тонкія упругія струны Розенбахъ положилъ свои красные, громадные обрубко-подобные пальцы.

Въ углу мясистаго рта дымился окурокъ сигары. Лицо, широкое, багровое, круглое, застыло въ сосредоточенномъ выраженіи.

Совершилось чудо... Этотъ большой и грубый толстякъ оказался волшебникомъ. Неуклюжіе пальцы-обрубки извлекали такіе нѣжные, чистые, чарующіе звуки. Цитра ожила. Этотъ хрупкій инструментъ, словно сказочный ящикъ, таилъ въ себѣ цѣлыя картины, образы... И они выливались наружу, властно завораживая безмолвно притихшихъ слушателей. И что-то далекое нездѣшнее было въ этихъ образахъ... Чудились высокія снѣжныя горы Тироля, ясный бодрящій воздухъ... Колокольчикъ, затерявшійся вдали. Румяная, крѣпкая дѣвушка въ зашнурованномъ лифѣ звонко зоветъ кого-то... Охотникъ въ шляпѣ съ перомъ, съ карабиномъ въ рукѣ спѣшитъ узкой тро-

пинкой. Все тише и тише... Гаснутъ картины, таютъ призраки. Замеръ послѣдній аккордъ. Исчезли снѣговыя вершины, румяныя дѣвушки, охотники; не звенятъ колокольчики... Всѣ вновь очутились въ низкой комнатѣ, гдѣ пахнетъ пивомъ, ѣдой и накурено...

Молчаніе смѣнилось шумомъ,—рукоплесканіями... Борецъ съ достоинствомъ кивалъ головой. И никому не хотѣлось вѣрить, что это онъ такъ красиво и съ такимъ чувствомъ игралъ. Онъ, который всего часъ назадъ, навалившись всей своей тяжестью на худенькаго и слабаго противника, ломалъ ему шею и спину...

Штейнфельдъ, дерзкій драчунъ и забіяка, уронивъ голову, тихо плакалъ наивными дѣтскими слезами. Мягкій и круглый Христенсенъ, мечтательно разнѣженный, улыбался.

Въ это время вошли братья Гусевы. Владиміръ привѣтливо сдѣлалъ борцамъ ручкой. Тѣ обрадовались ему. Штейнфельдъ—глаза его высохли и онъ опять былъ задорный,—спросилъ по-русски:

— Господинъ Гусевъ, почему Тампіо не хочетъ бороться со мной? Публика давно ждетъ!

Профессоръ атлетики, усмѣхнувшись, погрозилъ ему пальцемъ.

— Ишь, фасонъ держитъ, на-дняхъ выпущу васъ...

— Не знаю, почему онъ не хочетъ бороться—съ видомъ простака, пожимая плечами, бормоталъ Штейнфельдъ.

Братья подсѣли къ столу.

Владиміръ шутилъ, указывая на профессора:

— Онъ записывается къ намъ въ чэмпіонатъ.

Вы не смотрите, что онъ худенькій; у него страшный грифъ.

Борцы захохотали, такъ, что задребезжали стекла.

— Ну, Розенбахъ...

Бывшій колбасникъ заигралъ мелодичный мечтательный вальсъ. Штейнфельдъ подпѣвалъ ему пріятнымъ тенoркомъ.

— Каково?—спросилъ Гусевъ у брата.

— Чудесно!—отозвался математикъ.—Кто-бы могъ подумать?

— Вотъ видишь, и у нихъ есть душа. А вы всѣ увѣрены, что это однѣ мускульныя туши безъ головы, безъ мысли, безъ сердца. Не знаю, какъ здѣсь, а въ Варшавѣ Розенбаха даромъ кормили. Только бы игралъ. Выгодно. Слушать приходятъ!

Опять рукоплесканья. Одинъ Мартинсонъ, какъ непроницаемая глыба, поодаль сидѣлъ одинокій, потѣшно обвязавшись салфеткой. Только его медвѣжьи глазки сочувственно улыбались.

— И откуда у него такая сила?—Спросилъ математикъ, разглядывая сквозь очки Мартинсона.

— Мы сами не знаемъ. Поражаемся.—Отвѣчалъ братъ.—По выжиманію двумя руками побилъ всѣ міровые рекорды,—и наклонившись къ уху, шепотомъ:—на немъ мы думаемъ отыграться. Его борьбы съ Тампіо дадутъ полные сборы. Пущенъ слухъ, будто бы шведское атлетическое общество командировало его положить Тампіо. Уже говорятъ въ городѣ... Этотъ выжметъ на мизинцѣ самого чорта. Вотъ можно было бы подложить свинью Тампіо...

Пришелъ новый борецъ-негръ „Черный-

Бобъ". Онъ былъ пьянъ вдребезги; модный котелокъ съѣхалъ, едва держась на курчавыхъ, какъ войлокъ, густыхъ волосахъ. Негръ зацѣпился за стулъ, уронилъ трость, кое-какъ сѣлъ. Налитые кровью бѣлки безпокойно и рѣзко вращались на черномъ фонѣ тупого мясистаго толстогубаго лица съ приплюснутымъ носомъ. Онъ жалобно завылъ дикую непонятную пѣсню своей далекой знойной родины. Потомъ долго стучалъ кулакомъ.

— Одна бутелку красный вина!—Полѣзъ въ карманъ, вытащилъ горсть измятыхъ, скомканныхъ трехрублевокъ и разбросалъ ихъ по столу.

— Эхъ, бѣда съ нимъ!—Сочувственно вздохнулъ Гусевъ. Онъ всталъ, тяжелой въ-перевалку походкой подошелъ къ негру и положилъ ему на плечо тяжелую руку.

— Черный-Бобъ, какъ тебѣ не стыдно?

— А я... у меня горе... я пьянъ... я буду много пить... я ушелъ изъ чэмпіоната... Я не хочу у васъ бороться...—забормоталъ онъ понѣмецки.

— Въ чемъ дѣло, Бобъ?

— У меня пять пораженій. Я уйду... я не хотѣлъ бороться съ Штейнфельдомъ. Я буду плакать... я сейчасъ большой скандалъ сдѣлаю... бутелку красный вина!

— Бобъ, успокойся, на тебя смотрятъ! Приходи ко мнѣ завтра утромъ, только трезвый. Поговоримъ.

— Ну, хорошо, господинъ Гусевъ. Я васъ люблю,—вы добрый... они—злые... они меня... обижаютъ.... я не буду дѣлать большой скандалъ, я приду... бутелку красный вина... Бобъ послушный.—Онъ уронилъ голову на грудь и

тихо жалобно завылъ, распустивъ толстыя губы.

Гусевъ гладилъ его по курчавой головѣ, какъ ребенка.

— А деньги собери и спрячь. Знаешь: лучше всего ступай домой. Зачѣмъ тебѣ эта бутылка? И такъ хорошъ! выспись лучше!...

Странно было видѣть плечистаго и сильнаго негра, — кулакомъ убить можетъ, — въ жалкомъ безпомощномъ состояніи. Борцы привыкли къ нему, но публика смотрѣла, какъ на жуткое и вмѣстѣ забавное зрѣлище.

— Чѣмъ больше я тебя наблюдаю, тѣмъ больше ты мнѣ напоминаешь укротителя дикихъ звѣрей,—сказалъ математикъ брату.

— Да, хлопотъ съ ними бываетъ не мало. Особенно съ темнокожими; такой Бобъ, напримѣръ,—глупый, наивный, одинъ какъ пальцъ здѣсь; кругомъ чужіе люди, непонятный языкъ. Сколько въ немъ непосредственности дикаря. Какъ остро онъ чувствуетъ обиду, оскорбленіе. Другой, бѣлый борецъ плюнулъ бы на его мѣстѣ. „Мнѣ“, скажетъ, „все равно съ кѣмъ бороться, ты мнѣ денежки заплати“, —а этотъ запилъ; юродствуетъ...

— Они, должно быть, выносливы?.. Что, среди негровъ попадаются выдающіеся борцы?

— Рѣдко. Былъ одинъ замѣчательный — Джой, какая сила, какая техника!

— Почему вы не выпишете его къ себѣ?

— Откуда? съ того свѣта, развѣ? Джой погибъ, погибъ трагически. Въ Парижѣ онъ положилъ знаменитаго Рауля ля-Бушэ. Французы не могли ему этого простить: надо тебѣ знать, что французы—самые несимпатичные въ международной семьѣ борцовъ.

Чаще всего интриганы, альфонсы, палачи, мстительны. Ну, вотъ они ѣхали бороться куда-то въ Италію, не помню, то ли въ Римъ, то ли въ Палермо; и Джой вмѣстѣ съ ними. Послѣ побѣды надъ Раулемъ онъ сразу выдвинулся. До него, Рауля никто не бросалъ. Ѣдутъ они гдѣ-то подъ Генуей, туннели тамъ на каждомъ шагу, французы выманили негра на площадку и предательски сбросили съ поѣзда. На смерть расшибся; трупъ нашли изуродованный, искалѣченный. Они, мерзавцы, его такъ толкнули, чтобы онъ сначала ударился о каменную стѣну туннеля.

— Какое звѣрство! какой ужасъ!—воскликнулъ профессоръ, невольно вздрагивая.—И неужели это сошло имъ безнаказанно.

— Уликъ не было; подозрѣвали, даже знали навѣрное, но этого мало: нужны были доказательства—улики...

— Ну и публика!

— А ты никогда не видѣлъ, какъ они дерутся?

— И видѣть не желаю,—поспѣшилъ отказаться математикъ, словно братъ тотчасъ же собирался позабавить этимъ любопытнымъ зрѣлищемъ.

— Сколько мнѣ приходилось ихъ разнимать. А вотъ этотъ самый Штейнфельдъ, чуть что —сейчасъ на кулаки. Въ прошломъ году онъ такъ избилъ Гассана, что того замертво выволокли изъ уборной.

— Приходится сказать словами Островскаго: „Жестокіе у васъ, сударь, нравы".

Владиміръ пожалъ своими широкими плечами.

— Ничего не подѣлаешь. Вѣдь, это же не

институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Борцы разбились на группы. Штейнфельдъ подсѣлъ къ Гусеву.

И безъ того розовый, онъ еще больше разрумянился отъ нѣсколькихъ кружекъ пива.

Онъ все приставалъ:

— Господинъ Гусевъ, почему Тампіо не хочетъ бороться со мной? Я хочу съ нимъ бороться.

— Фасонъ, шельма, держишь; для фасону пускаешь!—добродушно трепалъ его по плечу Гусевъ.

Одиноко сидѣвшій Мартинсонъ скоро ушелъ. Этотъ первый силачъ въ мірѣ былъ въ слѣпомъ подчиненіи у своей высохшей, увядшей жены. Она держала его въ ежовыхъ рукавицахъ и требовала, чтобы поздно являться домой онъ не смѣлъ.

Разнѣженный пивомъ Розенбахъ впалъ въ сантиментальность. Его цитра плакала.... чистые нѣжные звуки тоскующе-грустно звенѣли какой-то невѣдомой рыдающей жалобой...

Штейнфельдъ, уже забывшій о Тампіо, который не хочетъ бороться съ нимъ, опять всплакнулъ, крупными дѣтскими слезами.

ГЛАВА IX.

Сегодня Тампіо особенно ликующе-праздничный. Онъ не боролся два дня, отдохнулъ и чувствовалъ себя прекрасно. За все лѣто врядъ ли собиралось въ „Андалузіи“ такъ много публики, какъ въ этотъ вечеръ.

Погода словно заодно была съ Тампіо, словно сговорилась съ нимъ. Солнечный день, теплый, безоблачный, смѣнился тихимъ и теплымъ вечеромъ. Въ блѣдно-сиреневыхъ небесахъ сіяли молочныя звѣзды.

Десятокъ—другой такихъ вечеровъ способенъ искупить всю неудачную антрепризу дождливаго скучнаго лѣта.

Гусевъ значительно подошелъ къ суфлерской будкѣ, приподнялъ фуражку и, гипнотизируя публику яснымъ, довѣрчивымъ взглядомъ, торжественно объявилъ:

— По случаю подниманія тяжестей чэмпіономъ міра Тампіо, который будетъ демонстрировать свою силу, а потомъ бороться съ Мартинсономъ въ рѣшительной схваткѣ,—обычный парадъ отмѣняется.

— Браво, Гусевъ! браво! Молодецъ Володька!

Вѣчный студентъ вновь приподнялъ фуражку. Затянутая зеленымъ сукномъ арена опустѣла. Только судьи сидѣли въ глубинѣ на своихъ мѣстахъ. Два плотника, сгибаясь и кряхтя, принесли штангу. Гусевъ дѣловито осмотрѣлъ ее.

— Шесть пудовъ тридцать фунтовъ! Желающихъ убѣдиться въ подлинности вѣса покорнѣйше прошу пожаловать на сцену

Но желающихъ не оказалось. Публика вѣрила Гусеву на слово.

Вѣчный студентъ глянулъ въ бокъ, въ кулисы и зычно выкликнулъ:

— Тампіо!

Борецъ вышелъ не сразу. Онъ хотѣлъ подогрѣть интересъ. И только черезъ полминуты, сдѣлалъ прыжокъ, очутился у рампы.

Тонкое шелковое, блѣдно-розовое трико. Тампіо бурно привѣтствовали. Онъ искательно и часто раскланивался. Чей-то одинокій свистъ врѣзался въ глухой гулъ рукоплесканій. Изъ оркестра Тампіо подали букетъ одинъ, другой, третій. Онъ поочередно бралъ ихъ, кокетливо изгибая свой мускулистый торсъ и дѣлая видъ, что съ удовольствіемъ нюхаетъ, передавалъ Древсу. „Докторъ“ былъ тутъ какъ тутъ. Во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ цилиндрѣ и на этотъ разъ не въ желтыхъ ботинкахъ. Букеты вмѣстѣ съ докторомъ ушли за кулисы. Смолкли овацiи. Опять выступилъ Гусевъ.

— Прежде, чѣмъ начать упражненія, Тампіо будетъ демонстрировать свою мускулатуру— и безъ передышки, словно кончая эту же самую фразу, вѣчный студентъ бросилъ внизъ, оркестру.—Пожалуйста маршъ!

Но заиграли не маршъ, а „Китаянку“, —любимый мотивъ Тампіо. И подъ веселые, игривые бодрящіе звуки—рельефные мускулы рукъ, груди и ногъ пришли въ движеніе, затрепетали, точно танцуя какую то странную пляску въ тактъ вмѣстѣ съ оркестромъ. Лицо Тампіо хранило въ это время важное, почти строгое выраженіе, словно какое-то священнодѣйствіе совершалъ онъ.

Гусевъ поворачивалъ его, давалъ знакъ оркестру умолкнуть и урывками прочелъ „андалузской“ публикѣ цѣлую лекцію по анатоміи.

Сидѣвшій въ креслахъ математикъ гордился братомъ.

— И откуда у него что берется?

Наконецъ заговорилъ и самъ Тампіо.

— Я сейчасъ буду бросать себѣ на шею

эту штангу. Прошу глубокоуважаемую публику сидѣть спокойно. Это очень смертельно...

И когда съ высоты двухъ-трехъ футовъ желѣзный стержень штанги ударился о крѣпкую, упругую, какъ резина, шею, многіе, въ особенности дамы, ахнули...

Пришло время и доктора. Онъ появился, уже готовый, туго опоясанный полотенцемъ. Тампіо оттопырилъ мизинецъ, продѣлъ его между полотенцемъ и докторскимъ фракомъ и, вскинувъ доктора, какъ пушинку, на воздухъ, сгибая и вытягивая руку, поднялъ его тридцать восемь разъ. Гусевъ считалъ и громогласно объявилъ эту цифру.

На апплодисменты раскланивался и „докторъ“. Затѣмъ Тампіо сдѣлалъ мостъ, держа надъ головой на вытянутыхъ рукахъ штангу. На эту живую арку сѣли Гусевъ и еще два человѣка изъ состава жюри. Тампіо держалъ ихъ всѣхъ, — слѣдили по часамъ, — полторы минуты.

Первымъ вскочилъ Гусевъ, за нимъ остальные. Тампіо отбросилъ штангу и однимъ движеніемъ былъ на ногахъ. Вѣчный студентъ пояснилъ публикѣ,

— Тампіо выдержалъ на мосту вѣсъ въ общей суммѣ двадцать шесть пудовъ. Сломать подобный мостъ нѣтъ никакой физической возможности, потому что во всемъ мірѣ не найдется двадцати-шестипудоваго человѣка.

— А Нурла? спросилъ кто-то.

— Нурла вѣситъ двадцать пудовъ. Самый тяжелый борецъ.

Опять овація, опять букеты. Счастливый тріумфаторъ въ блѣдно-розовомъ трико ушелъ за кулисы, перепрыгнувъ черезъ веревку барь-

ера. Гусевъ шепотомъ совѣщался о чемъ-то съ предсѣдателемъ жюри, приземистымъ человѣкомъ въ котелкѣ съ клинообразной бородкой. Въ кулисахъ толпились борцы. Ауэръ, по слухамъ двоюродный братъ Тампіо, сидѣлъ на табуреткѣ въ свѣтло-кофейномъ пальто и панамѣ. Безусое безбородое лицо его съ мелкими неясными чертами навсегда осталось какимъ-то недоразвитымъ, мальчишескимъ.

Выносливый, на диво тренированный Ауэръ отличался неутомимостью. Онъ могъ бороться подъ рядъ часа два, безъ малѣйшей усталости. Свѣжій, сухой, все время нападающій. У Тампіо была болѣе показная блестящая техника. У Ауэра—болѣе серьезная. Ихъ называли кузенами. Нѣкоторые говорили съ усмѣшкой:

— Сегодня, (или завтра)—борятся кузены.

Оба отрицали свое родство. Побѣждалъ всегда Ауэръ. Единственное пораженіе, котораго Тампіо не избѣгалъ и не стыдился. Жили они вмѣстѣ. Вѣрнѣе,—почти вмѣстѣ. Сходились за обѣдомъ; по утрамъ—утро начиналось у нихъ въ третьемъ часу—пили вмѣстѣ кофе. Раздѣляла ихъ площадка черной лѣстницы.

Кузеновъ окружала какая-то странная тайна. Они словно боялись и опасались кого-то или чего-то. Обѣдъ имъ готовила преданная старая чухонка, выписанная на все лѣто изъ Ревеля. Ауэра повсюду сопровождалъ громадный свирѣпый догъ, готовый, по мановенію хозяйскаго пальца, кому угодно вцѣпиться въ горло страшными клыками.

При Тампіо состоялъ „докторъ“ Древсъ. На такое же амплуа кузенъ бралъ жонглеровъ

и акробатовъ изъ лѣтнихъ садовъ. Прогонитъ одного, возьметъ другого. Они спали съ нимъ въ одной комнатѣ, бѣгали съ записками, исполняли секретарскія обязанности.

Ауэръ жаловался друзьямъ:

— Я не могу спать одинъ. Мнѣ кажется, что кто-то ходитъ, ищетъ меня, намѣревается убить. Тампіо имѣлъ на него громадное вліяніе. Ауэръ во всемъ его слушался. Единственнымъ камнемъ преткновенія было бы,—пожелай Тампіо бросить его. Это была Ахиллесова пята въ сплошномъ, не разсуждающемъ боготвореніи, которымъ пламенѣлъ Ауэръ къ своему кузену. Здѣсь онъ никогда не подчинился бы. Онъ ревниво оберегалъ свою непобѣдимость. Смыслъ всего своего существованія онъ видѣлъ въ томъ, чтобы никто никогда не положилъ его.

На дняхъ Ауэръ самъ долженъ бороться со шведскимъ богатыремъ. Вотъ почему онъ съ особеннымъ вниманіемъ приготовился наблюдать его съ Тампіо. Онъ хотѣлъ изучить тактику и пріемы страшнаго Мартинсона. Именно тактику и пріемы, потому что техники у Мартинсона не было никакой. Шведъ только, и зналъ и умѣлъ, что передній поясъ, да желѣзные захваты головы противника, послѣ которыхъ уши распухали и краснѣли, какъ пѣтушиные гребни, а съ лица до кровоподтековъ сдиралась кожа.

Публика давно ждала этой встрѣчи. Съ одной стороны сила, слѣпая, могучая, какая-то глыба гранита, а не человѣкъ, съ другой—ловкость, гибкость, увертливость, коварство. Носорогъ и змѣя. Кто кого? Носорогъ тяжело растопчетъ поверженную змѣю или она, пре-

дательски обвившись, задушитъ его своими упругими кольцами?

Гусевъ послѣ паузы съ особенной мрачной торжественностью, подчеркивая серьезность предстоящей борьбы, выкликалъ:

— Оскаръ Мартинсонъ. (Швеція). Робертъ Тампіо. (Россія).

Скандинавскій богатырь вышелъ первый. Широкоплечій, въ черномъ трико, спокойно смотрѣлъ онъ маленькими медвѣжьими глазками, и весь былъ спокойный, увѣренный. Руки его отъ локтя до плеча поражали необыкновенной толщиной. Но это не былъ жиръ. Это была мускулатура, незамѣтная, не кидающаяся въ глаза. И вотъ почему трудно было предположить въ Мартинсонѣ такую феноменальную силу.

Что-то розовое быстро мелькнуло въ воздухѣ. Это выпрыгнулъ Тампіо. Онъ нервничалъ. Какъ-то изгибался весь, поводилъ головой. Гусевъ пронзительно свистнулъ и отрывисто бросилъ.

— Allez!.

Борцы сошлись. Не успѣлъ Мартинсонъ довѣрчиво протянуть руку, Тампіо коварно бросился взять его на tour de tête. Но шведъ толкнулъ его въ спину и Тампіо съ глухимъ грохотомъ полетѣлъ на коверъ. Отъ неудачи онъ заскрежеталъ зубами и злобно хватилъ кулакомъ по ковру. Борьба сразу перешла въ партеръ. Шведъ навалился на Тампіо и не спѣша, съ основательной медлительностью, началъ его ломать. Онъ такъ натиралъ ему шею локтемъ, что упершійся подбородкомъ въ коверъ, Тампіо корчилъ отчаянныя гримасы. Корчилъ умышленно. Его тренированной

гутаперчевой шеѣ врядъ-ли было больно. Въ публикѣ—свистъ. Мартинсонъ отрывается отъ своего занятія, поднимаетъ голову и съ недоумѣніемъ глядитъ на Гусева.

— Массажъ шеи — пріемъ дозволенный — объявляетъ Гусевъ.—Это дѣлается для того, чтобы вывести борца изъ себя.

А тѣмъ временемъ Тампіо блѣдно-розовой скользкой ящерицей уползалъ изъ-подъ своего тяжеловѣснаго противника. Не успѣлъ Мартинсонъ оглянуться, Тампіо грудью впередъ, вызывающій, дерзкій, съ чисто-змѣинымъ, свистящимъ, шелковымъ шелестомъ, бросился на него въ аттаку. Шведъ отражалъ его съ добродушной улыбкой, съ какимъ-то глубокимъ непоколебимымъ сознаніемъ своей мощи.

На неосторожномъ движеніи Тампіо попался. Шведъ, какъ тисками захватилъ его голову подъ мышку. Тампіо очутился въ критическомъ положеніи. Теперь онъ и въ самомъ дѣлѣ испытывалъ варварскую боль. Судорожными прыжками пытался онъ вырваться... А шведъ сжималъ все крѣпче, сильнѣе его несчастную голову. Тампіо былъ въ этотъ моментъ жалокъ, безпомощенъ.

Наконецъ онъ отчаянно дрыгнулъ ногами въ воздухѣ и тиски разжались. Тампіо, озабоченный, щупалъ распухшее ухо, Мартинсонъ ждалъ. Въ это мгновеніе Тампіо стремительно ринулся взять его на передній поясъ. Но получилъ страшный толчекъ въ грудь. Отлетѣвъ далеко, онъ очутился въ широкихъ объятіяхъ Гусева. Вѣчный студентъ придержалъ его и, указывая пальцемъ на Мартинсона, иронически бросилъ:

— Вонъ туда пожалуйте!..

Иногда Тампіо убѣгалъ отъ Мартинсона и получалъ за это отъ Гусева выговоръ:

— Тампіо, не бѣгай!—борись!

— Ты что имѣешь противъ меня?—бормоталъ вспотѣвшій Тампіо, учащенно дыша.

— Не разговаривай,—борись!

Но Тампіо началъ уставать. Онъ экономилъ энергію. Уже не кидался въ аттаку. Онъ лишь защищался. И покорно давалъ ломать себя въ партерѣ. Но въ опасныхъ положеніяхъ, когда Мартинсонъ вотъ-вотъ перевернетъ его нельсономъ, Тампіо непостижимо ловкимъ пируэтомъ уходилъ, невредимый, неуязвимый, отъ неизбѣжной гибели. У всѣхъ почти было такое впечатлѣніе, что еще минутъ десять и выдохшійся, измученный Тампіо ляжетъ. У Мартинсона не замѣчалось и тѣни усталости. На пятидесятой минутѣ онъ работалъ такъ же свѣжо и бодро, какъ и въ началѣ схватки.

Публика раздѣлилась на два лагеря. Одни были за Тампіо, другіе—за Мартинсона. Когда шведъ зажималъ голову чухонскаго бога—раздавались одновременно и свистъ и злорадный смѣхъ. Тампіо выходилъ изъ себя. Бѣсился и на Мартинсона и на своихъ недоброжелателей. Онъ привыкъ смѣшить публику, но казаться смѣшнымъ и жалкимъ—не входило въ его соображенія. Онъ скалилъ зубы, бормоталъ ругательства, грозилъ кулакомъ и Мартинсону, и Гусеву, и зрителямъ.

Мартинсонъ, изловчившись, схватилъ Тампіо на свой стихійный передній поясъ, съ котораго не спасался никто. Объятіе его было желѣзное, у Тампіо вырвался отчаянный стонъ.

И было странно слышать въ это время искрящіеся звуки веселаго Штраускаго вальса.

Тампіо погибалъ. Всѣ затаили дыханіе и многіе такъ подались впередъ,—словно отъ этого зависѣлъ исходъ борьбы...

Тампіо тревожно заметался. Шведъ не выпускалъ его. Оставалась единственная надежда на спасеніе:—Тампіо поднялъ вверхъ обѣ руки и, продолжая метаться и соскальзывая внизъ, сокращеніемъ мышцъ суживалъ грудные и спинные мускулы. Мартинсонъ не разжалъ своихъ рукъ, но Тампіо выскользнулъ, какъ змѣя, изъ желѣзнаго кольца. Утомленный, красный, задыхающійся, грудью впередъ двинулся онъ въ аттаку...

Бывалъ и Мартинсонъ въ опасномъ положеніи. Три раза Тампіо поднималъ его высоко въ воздухъ. Уже часъ продолжается ихъ схватка; часъ десять минутъ, часъ двадцать... Всѣ ухищренія Тампіо разбивались о непоколебимую силу шведа. Силу не человѣка, а машины, скучной, тупой машины. Тампіо, нагибаясь, шнуровалъ развязавшійся башмакъ и вдругъ внезапно кидался на противника. Дѣлалъ видъ, что теряетъ сознаніе, поднималъ съ ковра бумажку, брошенную имъ же самимъ, но толку изъ всего этого—никакого. Въ награду—свистъ негодующей публики, да выговоры Гусева:

— Тампіо, не фокусничай, борись корректно!

Отступая, прыгая, Тампіо заманивалъ Мартинсона къ судейскому столу, большому, тяжелому на короткихъ ножкахъ.

Тампіо сдѣлалъ непростительную оплошность. Далъ себя взять на передній поясъ. Прижимая къ своей груди спину Тампіо, шведъ

обхватилъ его и поднялъ. Этого только и надо было. Воровскимъ движеніемъ—никто и не замѣтилъ—Тампіо, коснувшись ногами стола, оттолкнулся упруго и сильно. Потерявшій равновѣсіе Мартинсонъ полетѣлъ навзничь, забарахтался, но Тампіо крѣпко надавливалъ спиной его грудь. Черезъ секунду онъ вскочилъ и, не дожидаясь апплодисментовъ, первый раскланялся съ публикой, какъ побѣдитель.

Театръ загрохоталъ, застоналъ. Оглушительныя рукоплесканія. Пронзительно свистѣли. Выждавъ, пока все успокоилось,—долго пришлось ждать.—Гусевъ объявилъ:

— Тампіо—побѣдилъ Мартинсона въ одинъ часъ двадцать восемъ минутъ пятьдесятъ шесть секундъ.

— И хриплые мужскіе и тоненькіе женскіе голоса кричали:

— Браво, Тампіо! браво!..

— Неправильно! неправильно!

— Правильно!—зычнымъ авторитетнымъ голосомъ разрушилъ Гусевъ зародившіяся сомнѣнія.

Сбитый съ толку, ничего не понимающій,—Мартинсонъ съ недоумѣніемъ поводилъ медвѣжьими глазками. Обращался къ судьямъ, но тѣ не понимали по-шведски. У предсѣдателя жюри все лицо было въ чернилахъ. Отъ рѣзкаго толчка чернильница прыгнула ему прямо въ физіономію. Мартинсонъ махнулъ рукой и, пожимая плечами, ушелъ за кулисы. Тампіо раскланивался безъ конца. Онъ ликовалъ. Такая трудная блестящая побѣда подниметъ его еще выше.

Если интересъ къ нему остывалъ,—теперь онъ разгорится вновь.

Въ тѣсной и душной уборной, Тампіо окатился теплой водой. Докторъ Древсъ, все еще въ цилиндрѣ и во фракѣ, заботливо теръ мохнатой простыней влажное измученное тѣло своего господина.

Тампіо говорилъ:

— А, что? И Гусевъ дуракъ и профессоръ дуракъ. Всѣ дураки. У меня плохое сердце? А? у меня силы нѣтъ? А? Вотъ фальшивые мужики! Вы видѣли, докторъ, я его поднималъ, какъ колбасу, а въ немъ девять пудовъ. О, я еще покажу себя, проше пана. Этотъ Гусевъ идетъ противъ меня. Но посмотримъ...

Докторъ помогъ ему одѣться. Маленькая незамѣтная дверь выходила изъ уборной прямо въ глухую аллею густо разросшагося кустарника. Аллея вела къ деревянному флигелю съ отдѣльными кабинетами. Въ одномъ изъ такихъ кабинетовъ сидѣлъ на плюшевомъ диванѣ Тампіо. Передъ нимъ—лакей въ почтительной позѣ.

— Опускайте сначала это,—указалъ борецъ на сторы оконъ—а потомъ давайте мнѣ чаю съ земляниками.

— Слушаюсь, господинъ Тампіо. Кушать ничего не изволите?

— Развѣ я могу сейчасъ кушать, послѣ такой борьбы?

— А здорово же вы, господинъ Тампіо, положили Мартинсона, мы всѣ очень рады за васъ. Что онъ, очень сильный, господинъ Тампіо?

— Чертъ бы его далъ, такой медвѣдь. Видите, на лицѣ кожа слѣзла. Ухо разорвалъ, а самъ говорилъ Гусеву, что будто-бы я его кусалъ: вотъ вретъ, фальшивый мужикъ, каналья!

Поскорѣе давай чаю съ земляниками,—пить хочется смертельно.

Лакей ушелъ. Пріотворилась дверь, глянула острая бритая мордочка доктора. Кивкомъ головы Тампіо разрѣшилъ ему войти. Робость тотчасъ же смѣнилась у доктора легкой развязностью и съ цвѣтами въ одной рукѣ, съ записочками въ другой—онъ приблизился къ своему господину.

— Ну, докторъ, что говорятъ въ саду про сегодняшнюю борьбу?

— Всѣ васъ хвалятъ: Тампіо такой молодецъ,—говорятъ.

— Глупые мужики. Ну давайте, что тамъ у васъ?

Каждую записочку докторъ сопровождалъ поясненіемъ:

— Это брюнетка съ большимъ носомъ, громадныя брилліантовыя серьги—домовладѣлица; это шансонетка изъ „Акваріума“, венгерка, она ради васъ пріѣхала сюда.

Окрыленный удачей, Тампіо на этотъ разъ отнесся чрезвычайно милостиво къ своимъ поклонницамъ. Одно его останавливало:

— Какъ же быть, проше пана, если у меня исцарапана морда?—Но потомъ рѣшилъ:—Э, наплевать, стану я съ ними церемониться...

ГЛАВА X.

Древсъ обычной своей развязной походкой, съ цвѣтами, но ужъ безъ записочекъ, вошелъ въ садъ. Публики становилось меньше. Слонялись одинокія фигуры. Погасли огни театра

и онъ былъ темный, пустынный. Вся жизнь сосредоточилась на верандѣ съ открытой сценой и столиками.

Ближе къ утру. Молочнѣй становились звѣзды и понемногу блѣднѣли свѣтло-сиреневыя небеса. Вѣяло предразсвѣтнымъ холодкомъ.

На верандѣ за стаканомъ чая сидѣла блѣдная красивая женщина съ большими подведенными глазами и въ широкой черной шляпѣ. Она разсѣянно мѣшала въ стаканѣ ложечкой. На пальцахъ сверкали брилліантами кольца. Это была шансонетка изъ „Акваріума“, о которой докторъ докладывалъ Тампіо. На заигриванія мужчинъ она отвѣчала презрительнымъ взглядомъ и отворачивалась.

Вотъ приближается Древсъ. Она ждетъ съ нетерпѣніемъ и ей кажется, что онъ очень долго пересѣкаетъ площадку между театромъ и верандой.

Опершись на ея столикъ, докторъ насмѣшливо улыбается острой бритой мордочкой.

— Онъ не хочетъ васъ принимать.

— Не хочетъ?—переспросила шансонетка съ потемнѣвшимъ лицомъ.

— Онъ, вообще, у меня странный субъектъ. Въ концѣ концовъ, все, разумѣется, зависитъ отъ меня... Если я захочу...

— Докторъ, умоляю васъ... Этотъ человѣкъ меня сводитъ съ ума. Докторъ, устройте мнѣ свиданіе... я...я не знаю, какъ буду благодарна...

Древсъ лукаво прищурилъ глазъ.

— Да?

— Докторъ...

— Хорошо, я подумаю... Но мы сегодня уѣдемъ отсюда вмѣстѣ...

Большіе подведенные глаза смотрѣли на доктора враждебно, а губы тихо отвѣтили:

— Согласна...

Древсъ подмигнулъ:

— О, вы умная женщина. Посидите еще минутъ пять. Я сейчасъ вернусь, и мы уѣдемъ.

Онъ юркнулъ въ темную аллею. Тамъ его поджидали двѣ тѣни. Одѣтая съ пестрымъ шикомъ дама восточнаго типа, съ крупнымъ носомъ и безцвѣтная, некрасивая компаньонка.

— Ну что? Въ какомъ настроеніи?

— Abgemacht—успокоилъ докторъ увядшую женщину восточнаго типа.—Я сейчасъ поведу васъ къ нему...

— Ради Бога, скорѣе только,—заволновалась дама.

— А гдѣ сто рублей?

— Простите, я забыла, я такъ нервничаю...— она вытащила изъ кошелька скомканную бумажку—вотъ, пожалуйста...

Докторъ не спѣша развернулъ, убѣдился, что это дѣйствительно сто рублей и сунулъ кредитку въ карманъ фрачнаго жилета.

— Можете ѣхать домой—сказала дама компаньонкѣ.

Докторъ стукнулъ въ дверь кабинета условнымъ знакомъ.

— Herein!—послышался голосъ.

Древсъ пріотворилъ дверь, втолкнулъ даму и поспѣшилъ на веранду.

Тампіо сидѣлъ на плюшевомъ диванѣ со сдвинутымъ на затылокъ желтымъ котелкомъ и пилъ чай.

Свѣтлыми холодными глазами онъ безцеремонно уставился на млѣющую передъ нимъ поклонницу. И онъ чуть не подумалъ вслухъ:

— Вотъ старая швабра! Скотина докторъ! Набью ему морду! Съ этой церемониться нечего.

Онъ съ удовольствіемъ „отшилъ-бы“ ее, но его остановили крупные тысячные бриллианты, что сверкали въ ушахъ дамы съ восточнымъ носомъ. Не вставая, онъ протянулъ ей руку.

— Садитесь. Хотите чаю съ земляниками? Это очень вкусно—съ земляниками.

— Благодарствуйте. Я такъ счастлива познакомиться съ вами, Робертъ Робертовичъ, вы не повѣрите!... Я такъ ждала, такъ безумно ждала этого момента!

— Ну, что вы скажете про сегодняшнюю вальку?

— Вальку?—оторопѣла дама.

— Ну да, это по-польски борьба, прошепана.

— Робертъ Робертовичъ, я все время дрожала. Этотъ звѣрь Мартинсонъ... Онъ васъ такъ мучилъ. Честное слово, хотѣла запустить въ него биноклемъ... Но когда вы, наконецъ, положили его,— я была на седьмомъ небѣ. Хотѣла плакать, смѣяться, броситься на сцену...

На звонокъ вошелъ слуга.

— Давайте намъ чаю съ земляниками.

— Робертъ Робертовичъ, вы устали, вамъ тяжело?

— Э, я сейчасъ могу бороться съ кѣмъ угодно, проше-пана. Я, слава Богу, хорошо тренированъ.

— Что я вижу? У васъ на лицѣ ссадина... Что съ вашимъ ухомъ?

— Здоровый мужикъ, зажимаетъ сильно!.. На другой разъ не буду дуракомъ. Смажу ужъ

и голову вазелиномъ. Тогда пускай зажимаетъ.

— Еслибъ я могла, я бы право его убила.

— За что его убивать? Это мужикъ полезный... у васъ, кажется, есть дома?

— У меня три дома. На Лиговкѣ, на Боровой и на Звенигородской.

— И хорошій доходъ?

— Въ общемъ, я имѣю чистыхъ тысячъ сорокъ пять. Жить можно.

— Это деньги—согласился Тампіо.—Отчего же вы не дѣлаете мнѣ подарковъ?

— Но я каждый день посылаю вамъ букеты—сконфузилась дама восточнаго типа.

Тампіо протяжно свистнулъ.

— А на какого черта мнѣ букеты? Все равно въ уборной валяются. Еслибъ это еще былъ букетъ изъ сторублевокъ...

— Говорите, приказывайте... Если мужчина мнѣ нравится, я ничего не жалѣю. Я какъ сумасшедшая...

Увядшее, основательно реставрированное лицо изображало слѣпую собачью покорность.

Тампіо соображалъ, наморщивъ широкія свѣтлыя брови.

— Вотъ у меня золотого хронометра нѣтъ съ цѣпочкой. А что вы скажете про кольцо: брилліантъ и кругомъ рубины? А?

— Завтра же, завтра я съѣзжу къ моему ювелиру... Робертъ Робертовичъ, мнѣ такъ хотѣлось посмотрѣть поближе вашу дивную мускулатуру...

— У меня мускулатура хорошая. Вы видѣли сегодня? Съ меня въ Берлинѣ профессоръ Бьегасъ лѣпилъ Геркулеса Фарнезейскаго. Не могу же я здѣсь сейчасъ раздѣваться для васъ.

— Робертъ Робертовичъ, умоляю васъ, по-

ѣдемте ужинать. Меня ждетъ карета. Куда хотите: къ Контану, къ Кюба, къ Эрнесту.

Откинувшись на спинку дивана, Тампіо съ наслажденіемъ потянулся:

— А завтра я буду вечеромъ имѣть хронометръ?

— Гадкій, онъ еще спрашиваетъ!.. Ну, конечно, два—три хронометра... если мужчина мнѣ нравится...

Борецъ зѣвнулъ:

— Спать хочется... Ну, ѣхать такъ ѣхать...

— Какой вы милый, какой вы паинька! Знаете, никогда не была такъ влюблена. Нѣтъ жертвы, предъ которой я бы остановилась...

Тампіо расплачивался:

— Два чая съ земляниками...

На другой день онъ проснулся въ три часа. Лежалъ съ измятымъ лицомъ, въ лиловой шелковой фуфайкѣ.

— Докторъ, позвоните, пускай даютъ кофе.

Древсъ позвонилъ и опять сѣлъ на стулъ у изголовья своего патрона.

— А я вамъ хотѣлъ бить морду, докторъ.

— За что? съ наивнымъ удивленіемъ воскликнулъ Древсъ.

— Кого вы мнѣ это вчера подсунули? Ей больше какъ сорокъ лѣтъ. Лѣзетъ цѣловаться —пудра сыплется. Чортъ знаетъ, что такое! Въ другой разъ, если подсунете такую, выставлю васъ обоихъ въ шею.

— Я согласенъ, она уже не первой молодости... зато три дома...

— Напоила меня шампанскимъ. У Контана мы были. Девяносто два рубля заплатила по счету. Дура! И все лѣзетъ цѣловаться. Нѣтъ, я васъ прогоню вонъ, докторъ.

— Не сердитесь. У меня есть для васъ такой номеръ. Красавица, какъ сложена!

Тампіо многозначительно погрозилъ доктору пальцемъ.

— Честное слово, у насъ ничего не было. Я такъ сужу по внѣшнему виду.

— Смотрите докторъ!.. Начинаются старыя штуки!

— Но я же говорю... А вотъ и кофе. Вамъ побольше сливокъ, Herr Тампіо? Аннушка, сюда на столикъ!

Распахнулась дверь и появился Гусевъ, свѣжій, румяный, въ своей поддевкѣ и въ студенческой фуражкѣ.

— А ты все валяешься. Пьянствовалъ вчера небось?

— Да, было немножко,—стараясь не глядѣть на него, отвѣтилъ борецъ.

— Чего-жъ сентябремъ смотришь? Теперь только іюнь.

— Что такое?

— Чего морду воротишь, говорю?

— Потому что ты фальшивый мужикъ, Гусь-кантини.

— Докторъ, выйдите на минутку—сказалъ Гусевъ и когда Древсъ ушелъ, онъ продолжалъ:

— Ты начинаешь съ ума сходить. Чѣмъ я фальшивый мужикъ?

— А что ты со мной вчера дѣлалъ?

— Скажи лучше, что ты со мною вчера дѣлалъ? И со мной, и съ публикой, и съ Мартинсономъ?

— Я боролся.

— Ты боролся? А кто бумажки вынималъ

изъ-за трико и бросалъ на коверъ? Кто бѣгалъ отъ Мартинсона?

— Это я нарочно.

— Ты всегда нарочно. А кто отъ стола отпихнулся ногами? Ты думаешь, я не видѣлъ? Это жюри не видитъ, а я все вижу. А если бъ публика замѣтила? Красиво было бы? И такъ всѣ говорятъ, что вы жулики. Зачѣмъ же давать лишній поводъ?

— Да, да, я знаю. Ты бы хотѣлъ, чтобъ Мартинсонъ клалъ меня.

— Очень хотѣлъ бы, только ты одинъ, дуракъ, не понимаешь, что это въ интересахъ дѣла. Изъ-за глупаго тщеславія вы теряете сборы, а потомъ поете „дѣла паршивыя“. И будутъ дѣла паршивыя. Ты думаешь, всѣ вѣрятъ въ твою побѣду! Какъ бы не такъ!

— А что, развѣ нѣтъ?

— Скажи, какой молодецъ! Онъ удивляется. Бабы-психопатки—тѣ вѣрятъ.

Гусевъ съ сердцемъ плюнулъ и вышелъ. Онъ испортилъ Тампіо весь день. Борецъ нервничалъ, злился, запустилъ въ доктора ботинками. Но вечеромъ его настроеніе улучшилось. Ему поднесли изъ оркестра футляръ, заключавшій въ себѣ чудесный хронометръ съ массивной золотой цѣпью.

ГЛАВА XI.

Гусевъ за послѣднее время все чаще и чаще повторялъ и себѣ самому и тѣмъ близкимъ людямъ, стѣсняться съ которыми нечего.

— Ахъ, эти чухонцы, вотъ гдѣ у меня си-

дятъ!.. Надо выдумать что-нибудь новенькое. Нуженъ такой первый любовникъ, чтобы всѣ ахнули. Съ красивой головой. Мало борцовъ съ красивыми головами—вздыхалъ Гусевъ.—Возьмите Тампіо—сложенъ, какъ богъ, а морда лошадинная. Чухонская лошадь. Необходимо что-нибудь выдумать. Къ концу сезона можно еще сдѣлать хорошіе сборы.

Долго думалъ вѣчный студентъ, долго ломалъ свою голову. Но создать что-нибудь интересное было трудно. Выписывать изъ-за границы,—поздно; всѣ первые любовники уже законтрактованы и боролись, кто—гдѣ.

Никогда неунывающій Гусевъ готовъ былъ безпомощно опустить руки. Рѣшительно ничего не предвидѣлось, а между тѣмъ онъ такъ хотѣлъ обновить примелькавшійся публикѣ чэмпіонатъ свѣжей фигурой. Такой, чтобъ сразу приковала вниманіе. Хотѣлъ, во-первыхъ, какъ онъ говорилъ, въ интересахъ дѣла, а во-вторыхъ, было тайное желаніе посбавить спѣси у Тампіо, утереть носъ „зазнавшемуся чухонцу“

Однажды Гусевъ машинально разсматривалъ безконечную портретную галлерею своего атлетическаго кабинета. Своей коллекціей онъ гордился

— Такой и въ Европѣ нѣтъ!..

Стѣны сверху до низу увѣшаны были фотографіями—борцовъ атлетовъ, гимнастовъ, силачей всѣхъ странъ и эпохъ. Попадались гравюры, литографіи двадцатыхъ годовъ, дагеротипы. Какой-то всемірный грандіозный рынокъ чудовищныхъ мускуловъ, гладіаторскихъ торсовъ, бычачьихъ затылковъ.

Взглядъ Гусева скользнулъ по большому портретному плакату гиревика Крылова и тот-

часъ же по какой-то смутной ассоціаціи идей у него вспыхнуло имя:

— Де-Кразацъ!..

Онъ вспомнилъ, что гдѣ-то въ провинціи Крыловъ держалъ свой чэмпіонатъ. И у него служилъ Соколовъ, сынъ художника, и самъ художникъ. Крыловъ разсказывалъ Гусеву, что этотъ молодой человѣкъ сводитъ съ ума не только женщинъ, но и мужчинъ. Для рекламы Соколовъ боролся цодъ звучнымъ испанскимъ псевдонимомъ „Де-Кразацъ".

Гдѣ онъ теперь, этотъ Де-Кразацъ? Найти бы его, только бы найти! А гдѣ найдешь?

— Батюшки, совсѣмъ память отшибло,—спохватился Гусевъ,—да вѣдь онъ же въ прошломъ году получилъ призъ за красоту на маскарадѣ въ Маріинскомъ театрѣ.

Гусевъ вдругъ весь такъ и ожилъ. Если только Соколовъ въ Петербургѣ, онъ разыщетъ его и выпуститъ съ громадной рекламой. А рекламировать его легко и удобно. Интеллигентный человѣкъ, художникъ, премированный красавецъ. Одинъ случай, цѣпляясь за другой, благопріятствовалъ исканіямъ Гусева. Въ кабинетъ пришелъ тренироваться натурщикъ изъ академіи художествъ Медвѣдевъ, боровшійся иногда въ циркѣ.

— Скажи, Медвѣдевъ, ты не знаешь, гдѣ теперь Соколовъ?

— Какой Соколовъ?

— Да тотъ самый,—красавецъ.

— Въ Петербургѣ. Ему дали въ академіи мастерскую. Не ему, а отцу его военному.

— Который часъ? Два. Какъ ты думаешь, онъ тамъ теперь?

— Застать еще можно. Онъ, кажется, и живетъ въ мастерской.

Послѣднихъ словъ Гусевъ не дожидался. Насколько позволяла его массивная фигура и вѣсъ, онъ сбѣжалъ внизъ и такъ стремительно плюхнулся въ первыя попавшіеся извозчичьи дрожки, что едва не сокрушилъ ихъ.

— На Васильевскій островъ! Къ Николаевскому мосту!

Въ обширномъ вестибюлѣ академіи художествъ было пусто и сонно, по лѣтнему. Гусевъ съ трудомъ отыскалъ швейцара.

— Гдѣ мастерская Соколова?

— Котораго Соколова? Ихъ у насъ трое.

— Ну, этотъ молодой, красивый, здоровый.

— А...— протянулъ швейцаръ, улыбаясь.— Вотъ сначала пойдете по этому колидору, господинъ Гусевъ...

— Вы почему меня знаете?

— Кто же васъ не знаетъ, господинъ Гусевъ? Мы, вѣдь, тоже на борьбу ходили, слава Богу. Такъ вотъ по колидору, потомъ сейчасъ налѣво, все прямо, а потомъ возьмете вправо. Эхъ, да вы съ непривычки заблудитесь, господинъ Гусевъ; провожу-ка я васъ.

Долго, безъ конца они шли подъ тяжелыми сводами длинныхъ каменныхъ корридоровъ. Въ нишахъ бѣлѣлъ гипсъ античныхъ статуй.

— Основательное зданіе,—похвалилъ Гусевъ.

— Противъ нашей академіи трудно идти. А что, господинъ Гусевъ, это правда писали въ газетахъ, будто бы между борцами соглашенія бываютъ?

— Мало-ли глупостей пишутъ. Борьба у насъ правильная, комаръ носа не подточитъ...

— А какъ вы думаете? Кто кого положитъ... Тампіо противъ Мартинсона выстоитъ?

— Не только выстоитъ, но еще и броситъ, какой же Мартинсонъ борецъ,—онъ безъ техники. А, скажите, голубчикъ, этотъ Соколовъ имѣетъ средства?

— Не видать что-то. Отецъ богатый, да больно до денегъ жаденъ.

Поворачивали влѣво, вправо, опускались, поднимались чугунной винтовой лѣстницей, опять корридоры, все выше и выше.

— Сейчасъ—утѣшалъ швейцаръ Гусева, который высказывалъ уже нетерпѣніе.

Послѣдній корридоръ, широкій, свѣтлый. Съ обѣихъ сторонъ уходятъ въ перспективу ряды громадныхъ коричневыхъ дверей. На каждой, рамка съ именемъ занимающаго мастерскую. Пишутъ художники свои фамиліи, кто какъ придется: на бѣлой бумагѣ, на зеленой, на синей, на сѣрой. Пишутъ акварелью, чернилами, китайской тушью, сепіей.

Вотъ дверь съ черной рамкой. Въ нее кое-какъ вставленъ обрывокъ сахарной бумаги, по которому густо и крупно выведено свинцовыми бѣлилами: И. Соколовъ.

Швейцаръ постучалъ.

— Кто тамъ? войдите!—послышался низкій голосъ.

Вѣчный студентъ очутился лицомъ къ лицу съ молодымъ художникомъ.

Такъ вотъ онъ премированный красавецъ! И опытнымъ наметавшимся глазомъ настоящаго плантатора Гусевъ сразу оцѣнилъ Соколова. Такихъ первыхъ любовниковъ у него еще не было.

— Позвольте познакомиться—Гусевъ.

— Ну, этого можно и не добавлять.

— А и знаютъ же меня, чортъ побери—наивно, какъ мальчикъ, радостно сіялъ Гусевъ. Онъ осмотрѣлся: въ громадной квадратной мастерской, было неуютно, голо, пусто. На подоконникѣ—большой тяжелый чайникъ съ отбитымъ носомъ, на днѣ стакана выжатый ломтикъ лимона. Тутъ-же свалены были въ груду альбомы, этюды. Со стула сползла бархатная драпировка. Прямой, массивный и грубый мольбертъ, на немъ пейзажъ: осенняя свинцовая вода межъ низкихъ луговыхъ береговъ, выцвѣтшихъ и побурѣвшихъ.

— Вотъ мажу—пояснилъ Соколовъ,—хочу, знаете, добиться этого холоднаго тона въ воздухѣ.

Гусевъ смотрѣлъ на него и думалъ:

— Очень тебѣ нужно добиваться какого-то холоднаго тона; съ твоей мордой бороться да бороться; сводить бабъ съ ума и жить припѣваючи.

Что-то не русское, экзотическое было въ красотѣ Соколова. Крупныя, правильныя и рѣзко намѣченныя линіи смуглаго бритаго лица. Короткіе черные волосы и сами курчавились отъ природы, и кромѣ того Соколовъ еще завивалъ ихъ въ маленькіе упругіе локоны, что встрѣчаются на мраморныхъ бюстахъ римскихъ цезарей и у такихъ боговъ, какъ Аполлонъ и Гермесъ... Темно-каріе глаза, энергичные, съ блескомъ, художникъ подводилъ и поэтому они казались больше и выразительнѣе. На вискахъ Соколовъ носилъ коротенькія, уже много лѣтъ не модныя котлетки. Онѣ очень шли ему и дѣлали его похожимъ на испанца.

Недаромъ товарищи говорили, что въ Испаніи онъ изучалъ ремесло пикадора.

— Кокотка, румянится, шельма,—подводилъ итогъ своимъ впечатлѣніямъ Гусевъ.

Голова достойна была торса, который ее носилъ. Вся фигура Соколова атлетическая, но безъ тяжеловѣсной, излишней подчеркнутости. Онъ былъ въ мѣру полонъ, въ мѣру строенъ, въ мѣру мускулистъ. Въ мѣру широкъ въ покатыхъ и крѣпкихъ плечахъ.

— Ростъ у васъ славный.

— Да, ростъ у меня ничего. Большинство греческихъ антиковъ, по мужской линіи, такого роста.

— Знаете, за чѣмъ я къ вамъ пріѣхалъ?

— Не знаю...

— Давайте вашу лапу!

— А что?—недоумѣвалъ художникъ.

— Давайте вашу переднюю лапу. Идите ко мнѣ въ „Андалузію“ бороться—вотъ что!..

— Въ „Андалузію“ бороться? Вотъ выдумали!—смотрѣлъ онъ обволакивающимъ ласковымъ взглядомъ на Гусева. Но въ этой ласковости было что-то холодное и колючее.

— Будетъ ломаться, будетъ. Приглашаютъ, иди, условія аховыя,—перешелъ Гусевъ на ты, какъ поступалъ онъ со всѣми, кто хоть маломальски былъ причастенъ къ міру атлетовъ.

Это мягкое, безобидное „ты“, очень шло къ его добродушному, круглому лицу и длинной поддевкѣ, напоминающей старый боярскій кафтанъ. Молодой человѣкъ съ фигурой греческаго бога почесалъ затылокъ далеко не античнымъ жестомъ.

— Какая тутъ борьба! Вотъ пейзажемъ увлекся,—добиваюсь!

Гусевъ помахалъ въ воздухѣ указательнымъ пальцемъ.

— Фасонъ держишь! Брось, милый, я же знаю, — боролся же ты въ Полтавѣ, въ Харьковѣ, въ Кременчугѣ. Де-Кразацъ! Ты еще разбойникъ—обращаются къ нему по-русски, а онъ молчитъ и головой мотаетъ: „ни слова, молъ, не понимаю“.

— А ты почемъ знаешь?—лукаво, одними глазами улыбнулся художникъ.

— Гусеву все извѣстно. Давай лапу—кончать будемъ.

— Въ Петербургѣ мнѣ выступать неудобно; меня весь городъ знаетъ, я здѣсь пять призовъ успѣлъ получить въ одинъ годъ за красоту и костюмы.

— Вотъ потому тебя, роднуша, и приглашаю, что тебя весь городъ знаетъ. Такую рекламу пустимъ!

— Да я уже съ полгода не тренировался.

— Это пустяки, тебя ломать не дамъ, слишкомъ ты—деликатное кушанье. Ты у меня на дессертъ будешь. Успокойся, для апостола ты слишкомъ интересенъ и силенъ. Скоро у меня будетъ конкурсъ мужской красоты—призъ получишь, доволенъ?

— А условія?

— Пятнадцать рублей въ день.

— Маловато!

— Господь съ тобой. Гассанъ получаетъ пятнадцать!

— А не больше?—усомнился художникъ.

На самомъ дѣлѣ, мавръ получалъ двадцать пять.

— Ну, ладно, прибавлю еще пятерку; abgemacht? По рукамъ?

Соколовъ не спѣшилъ.

— А только подъ своей фамиліей выступать не хотѣлось бы...

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ, корчишь... угнетенная невинность, или поросенокъ въ мѣшкѣ. Стану я тебя выпускать Де-Кразацомъ? Весь эффектъ пропадетъ. И для тебя хуже для дѣла... Именно, Соколовъ,—тотъ самый который и т. д... Бабья-то бабья,—отбоя не будетъ! Разъ плюнуть,—на содержаніе попадешь. Тампіо перегрызетъ всѣ ногти отъ злости.

— А ну ихъ къ чертямъ, бабъ! терпѣть не могу!—искренно вырвалось у художника.

Гусевъ въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— „Мальчиковъ любишь?“, казалось, спрашивалъ его ясный взглядъ.

Соколовъ смутился.

— Вотъ глупости...

— Ладно, мы кое-что знаемъ! Ну, да я смотрю либерально, у всякаго своя манера... веселиться. Кто любитъ арбузъ, а кто свиной хрящикъ. И поклонники найдутся,—не безпокойся.

Соколовъ обидѣлся.

— Нѣтъ, это ни на что не похоже, честное слово... Всякія гадости про меня выдумываютъ. И кто это распускаетъ?

— Ладно ужъ, ладно, раздѣнься-ка лучше; хочу тебя посмотрѣть...

Обнаженный весь, какъ греческій богъ, Соколовъ кокетливо принималъ античныя позы.

— Молодецъ!—хвалилъ Гусевъ,—и грудь хороша, и плечи, вотъ тѣло смугловатое. Въ какомъ трико будешь бороться?

— Въ бѣломъ, только въ бѣломъ.

— Ишь, мальчикъ со вкусомъ. Завтра утромъ свободенъ? Приходи ко мнѣ въ кабинетъ. Потренируешься, потолкуемъ. Постой, какой-бы номеръ для тебя выдумать? Кто тебя знаетъ, какой пріемъ у тебя лучшій въ борьбѣ... ну да, еще обмозгую и посмотрю, давай лапу!

— А нельзя ли авансъ? Деньги нужны...

— Красную бумажку довольно?

— Двѣ.

— Ну Богъ съ тобой, получай двѣ. А ты раззвони здѣсь хорошенько въ академіи. Товарищей тащи на себя смотрѣть; человѣкъ тридцать наскребешь?

— Я думаю...

— Вотъ тебѣ и клака даровая. Покажи мнѣ, голубчикъ, дорогу. Здѣсь у васъ лабиринтъ, запутаешься.

Гусевъ былъ доволенъ. По его мнѣнію, Соколовъ увеличитъ сборъ въ день рублей на двѣсти. Такихъ борцовъ въ Петербургѣ еще не видѣли.

ГЛАВА XII.

Тампіо опять сталъ нервничать. Временный подъемъ духа, силы, вызванный удачной борьбой съ Мартинсономъ, угасъ. По ночамъ тревожно, подозрительно шалило сердце. Докторъ стоически переносилъ градомъ сыпавшіяся на него пощечины. Онъ только старался не попадаться подъ тяжелую руку своего, такого раздражительнаго послѣднее время, патрона. Сплошь да рядомъ случалось: днемъ

Древсу жестоко влетитъ, а вечеромъ Тампіо приказываетъ:

— Послѣ борьбы мы вмѣстѣ ужинаемъ, докторъ!

Докторъ только руки потираетъ отъ предвкушаемаго восторга. То-то раздолье будетъ! Въ подобныхъ случаяхъ Тампіо предоставлялъ ему полное carte blanche.

Измученный, блѣдный борецъ сидѣлъ равнодушно, устало. Его свѣтлые холодные глаза смотрѣли куда-то въ пространство и мысли Тампіо были не съ докторомъ. А тотъ въ котелкѣ на бекрень, чувствовалъ себя хозяиномъ положенія и словно мстилъ Тампіо за побои, пинки и удары, наказывая его цѣлыми батареями всевозможныхъ бутылокъ, выроставшихъ въ длинный и дорогой счетъ.

То-и-дѣло слышалось:

— Больванъ, я тибѣ что говорилъ—дай бенедиктинъ!

— Убирай эта бутылка!

— Ты ничего не понимаешь, тебя надо бить по морда.

А Тампіо молча, съ какой-то странной рѣшимостью, которой не сознавалъ самъ, напивался. Онъ не тяжелѣлъ, его не клонило ко сну, голова не мутилась. Наоборотъ, онъ чувствовалъ какой-то подъемъ; какія-то мысли, коротенькія, бодрыя, шевелились, цѣпляясь одна за другую и вытягиваясь въ одно сплошное и важное для него.

Онъ становится хуже, не тотъ, или, вѣрнѣе,—онъ остался прежнимъ, не могъ же онъ измѣниться такъ сразу. А вотъ кругомъ все мѣняется; что за причина? Лица, еще такъ

недавно благожелательныя, искательно подобострастныя, теперь смотрятъ съ насторожившимся удивленіемъ. Такой взглядъ бываетъ у людей, которые ждутъ, что человѣкъ на ровномъ мѣстѣ непремѣнно подскользнется и шлепнется. Особенно тревожнымъ показателемъ былъ для него Гусевъ. И главнымъ образомъ потому, что Гусевъ не принадлежалъ къ тѣмъ, которые въ зависимости отъ возвышенія или паденія человѣка, становятся изъ холоповъ хамами и наоборотъ.

— Онъ—фальшивый мужикъ,—пытался утѣшить онъ себя, но гдѣ-то изъ глубины говорилъ ему голосъ, что Гусевъ—мужикъ не фальшивый.

Ночью Тампіо не могъ остаться одинъ. Смутно, неясно, почти безсознательно боялся онъ кого-то и чего-то. Ему нужна была нянька, сидѣлка. Докторъ для этой цѣли не годился. Непосѣдливый, мечущійся, жадный, пропадающій иногда по цѣлымъ суткамъ. Нужна была большая преданная послушная собака, которую бы никуда не тянуло... Такую собаку Тампіо нашелъ въ лицѣ Ейзенштадта. Громадный и сильный борецъ, но безъ всякой техники, Ейзенштадтъ былъ крещеный еврей. Держали его главнымъ образомъ для черты осѣдлости. Въ еврейскихъ городахъ онъ дѣлалъ сборы.

Ейзенштадтъ былъ борецъ совершенно случайный. Ни любви къ дѣлу, ни малѣйшаго призванія. Самая незначительная схватка являлась для него пыткой. Лѣнивый, апатичный флегматикъ, онъ предпочиталъ абсолютный покой. Этотъ высокій здоровенный человѣкъ, съ медленной неуклюжей походкой, бритый, съ

короткой шеей и съ густыми, какъ у моржа, усами, служилъ вѣчной безропотной мишенью для шутокъ изобрѣтательнаго Тампіо. Когда Мартинсонъ, схвативъ Ейзенштадта на свой стихійный передній поясъ, бросилъ его въ нѣсколько секундъ, Тампіо кричалъ въ кулисахъ:

— Ейзенштадтъ, проси реваншъ! Ты же чуть-туть его не положилъ. Проси реваншъ!

Ейзенштадтъ оставлялъ медленнымъ шагомъ поле такого быстраго для него пораженія, отмахиваясь рукой, и спокойно, не безъ юмора, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, лучше не надо реваншъ...

Въ спальню Тампіо внесли другую кровать. Ейзенштадтъ водворился. По утрамъ онъ подавалъ въ постель чухонскому богу кофе. Товарищъ, нянька, прислуга какъ-то уютно совмѣщалась въ немъ. На всѣ издѣвательства Тампіо онъ отвѣчалъ репликами самаго безобиднаго свойства. Гдѣ-то въ Могилевѣ у него жила старушка мать, которую онъ называлъ мамашей. Ежемѣсячно, день въ день, высылалъ онъ ей двадцать пять рублей.

Еще за недѣлю до срока онъ уже начиналъ безпокоиться.

— Надо выслать мамашѣ; мамаша ждетъ денегъ!

Онъ сдѣлалъ открытіе, что скандинавскій богатырь каждый день вытирался спиртомъ. Ейзенштадтъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не пріучилъ къ этому Тампіо. Онъ самъ натиралъ его каждое утро.

— Съ водкомъ.—Это полезно! Мартинсонъ тоже съ водкомъ!

Аппетитъ у него былъ чудовищный. Онъ могъ безъ конца ѣсть, только лобъ увлажнял-

ся росинами пота. Какъ рычаги машины, двигались большія массивныя челюсти, раскрывался широкій ротъ, и подъ шевелящимися усами, какъ въ Данаидову бочку, исчезали котлеты, цыплята, куски фаршированнаго щупака съ перцемъ, котораго отлично приготовлялъ самъ Ейзенштадтъ.

А Тампіо говорилъ:

— Этотъ мужикъ никогда ничего не ѣстъ. Я боюсь, что онъ можетъ одинъ разъ умирать съ голоду.

Просыпался Тампіо ночью и мѣрное дыханіе лежащаго въ двухъ шагахъ гороподобнаго Ейзенштадта дѣйствовало на него успокаивающе. Самъ коварный и вѣроломный, и въ особенности потому, что онъ былъ такой, чухонскій богъ, цѣнилъ слѣпую преданность Ейзенштадта. Когда дѣло касалось Тампіо, Ейзенштадтъ, забывая свою добродушную кротость, обращался въ палача и звѣря.

— Ейзенштадтъ, ты сегодня борешься съ такимъ-то, постарайся выбить ему парочку зубовъ.

Борьба. Ейзенштадтъ, какъ быкъ, бросающійся на торреро, бодаетъ противника головой прямо въ физіономію. Въ результатѣ—два зуба, выплюнутыхъ вмѣстѣ съ кровью.

— Ейзенштадтъ, ты стараешься ему сегодня сломать ребро, а если не удается, то вывихнуть палецъ.

Такимъ образомъ, Тампіо, либо сводилъ счеты, либо искусственно ослаблялъ хорошихъ противниковъ, для ближайшихъ схватокъ съ собой.

Борцу съ выбитыми зубами, у котораго поэтому болѣли нестерпимо и распухшія губы,

и десны, и вся полость рта, онъ часто и сильно зажималъ голову. Бѣдняга самъ предпочиталъ скорѣй лечь на лопатки, только Тампіо не мучилъ его своими захватами.

Вотъ уже нѣсколько ночей Тампіо ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ. Сонъ убѣгалъ отъ него. Это были томительныя ночи, вѣрнѣе, утра, потому что являлся домой онъ поздно. Въ плотно закрытыя тяжелыми шторами окна струилось что-то призрачное, блѣдное, тягучее, мучительно будоражащее и безъ того развинченные нервы. Тампіо, не находя себѣ мѣста, ворочался съ боку на бокъ. Онъ скрипѣлъ зубами, посылалъ кому-то яростныя проклятія. Кровать казалась ему неудобной и тѣсной. Подушки—твердыми, какъ камень. А рядомъ—невозмутимо похрапывала громадная туша Ейзенштадта.

— Скотина,—завидовалъ ему Тампіо.—И сегодня, и завтра, и всегда онъ будетъ также спокойно храпѣть. Его не потревожатъ сломанные ребра и пальцы.

Сломанныя ребра и пальцы. Самъ Тампіо этого никогда не сдѣлалъ бы, онъ не могъ причинять кому-нибудь физическую боль. Не изъ жалости и состраданія—нѣтъ. А просто какое-то брезгливое чувство мѣшало заниматься этимъ лично.

Но сокрушать челюсти противниковъ твердыми черепами своихъ палачей и приспѣшниковъ,—отчего же?

Крѣпко спитъ Ейзенштадтъ. Ему снится старая мамаша, которой надо послать двадцать пять рублей. Снится Могилевская корчма на большой дорогѣ. Многое снится: нему-

дреѣое, несложное, простое и мирное—такое-же, какъ онъ самъ.

Тампіо ворочается безъ конца. Ему душно, жарко. Онъ срываетъ съ себя тоненькую шелковую фуфайку, но и это не освѣжаетъ его. Мысли скачутъ, прыгаютъ, обгоняютъ другъ друга, исчезаютъ, расплываются. А за ними роятся все новыя... новыя...

Вотъ онъ жалкій, одинокій и слабый. Слабый, несмотря на сильную волю и желѣзные мускулы. Два Тампіо. Одинъ здѣсь, во мракѣ полутемной комнаты; до такого никому нѣтъ дѣла. Другой—тамъ, сверкающій, парадный, въ огняхъ рампы, каждымъ своимъ появленіемъ вызывающій бури восторговъ. И ради этого втораго Тампіо, ради аплодисментовъ, цвѣтовъ, поклонниковъ, онъ всю жизнь интриговалъ, дѣлалъ гадости, калѣчилъ людей и безъ застѣнчиво, нагло рекламировалъ себя...

Чтобы поймать сонъ, Тампіо утомлялъ себя борьбой, выпивалъ съ докторомъ цѣлыя фаланги бутылокъ, но сонъ ускользалъ,—неуловимый, недостигаемый... Тогда онъ сталъ бродить по ночамъ. Блѣднѣла ночь. Яснѣе и опредѣленнѣе намѣчались контуры деревьевъ сада, построекъ. Тампіо, заложивъ руки въ карманы и опустивъ голову, тихо шелъ, поворачивая изъ улицы въ улицу и всегда выходилъ къ набережной. Тамъ было пустынно, величаво, спокойно. Ровною сталью отливала широкая Нева, еще погруженная въ дрему. Дворцы и дома уходили въ перспективу и тамъ терялись въ молочно-сизой дымкѣ разсвѣта. Тампіо шелъ, смотрѣлъ, какъ разводятъ мосты. Холодные свѣтлые глаза его безучастно скользили по косматымъ фигурамъ суетившихся на

баркахъ мужиковъ, по хмурымъ и соннымъ лицамъ городовыхъ. Онъ думалъ, что и у мужика, и у городового есть опредѣленное дѣло, а онъ, словно неприкаянный, слоняется безъ толку, безъ желаній, безъ цѣли.

Разъ возвращался онъ съ такой прогулки, если только подобныя скитанія можно назвать прогулкой.—Уже свѣтало.—Не робко, полунеясными, нерѣшительными намеками, когда угасающая ночь еще борется, а свѣтало вовсю,—бѣлымъ днемъ. Если-бъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто видѣлъ, кто апплодировалъ вечеромъ Тампіо въ театрѣ, встрѣтилъ его сейчасъ, онъ отшатнулся бы! Лицо желтое-желтое въ морщинахъ. Рыхлая мякоть мѣшковъ подъ глазами. Погасшіе, злые и красные отъ безсоницы глаза. И въ походкѣ что-то развинченное, апатичное ко всему на свѣтѣ. Онъ двигался, какъ автоматъ, жилетъ сморщился складками и подъ нимъ куда-то ушла высокая грудь гладіатора.

Уже осталась позади набережная, уже онъ свернулъ въ глухую вымершую улицу съ протекавшими посрединѣ въ чугунныхъ рѣшеткахъ грязными каналами. Дворники средь облаковъ пыли подметали мостовую.

Тампіо двигался вдоль рѣшетки, машинально потрогивая пальцами холодный чугунъ. Вдругъ онъ услышалъ жалобный не то пискъ, не то визгъ, не то лай. Шершавая, жалкая, съ всклокоченной шерстью собаченка, безъ роду, безъ племени, безъ крова, скребла когтями гранитную панель и протискивалась черезъ поломанную рѣшетку. Вотъ,—вотъ полетитъ въ канаву.

Съ Тампіо случилось что-то непонятное. Такого прилива хорошаго, нѣжнаго чувства

онъ никогда не зналъ. Безпріютная, такая же, какъ и онъ, собаченка, на мгновеніе стала близка ему, онъ заинтересовался ея маленькой, темной судьбой. Онъ взялъ ее на руки. Собаченка привыкла видѣть чаще враговъ, чѣмъ друзей, и въ Тампіо ей чудился врагъ, который больно ударитъ, ущипнетъ, выдеретъ клокъ шерсти. И опять этотъ писк... Худыя костлявыя лапы затрепыхались. Но борецъ прижалъ собаченку къ груди, погладилъ, успокоилъ ее. И она затихла, и довѣрчиво, съ ожиданіемъ смотрѣла своими понимающими затравленными глазами въ такъ близко улыбающееся, человѣческое лицо.

Тампіо понесъ ее къ воротамъ перваго встрѣчнаго дома.

— Она могла утонуть... Собака... Ты ее согрѣваешь своей шубой и даешь немножко хлѣба, вотъ имѣешь на чай—сказалъ Тампіо дворнику и полѣзъ въ карманъ за серебряной мелочью.

Дворникъ грубо окрысился:

— Пьянъ что-ли? Съ собаками лѣзешь! Люди работаютъ... Въ участокъ сведу!

— Молчи, дуракъ, скотина! Хамъ!

Дворникъ замахнулся на него метлой, какъ дубиной.

— Вотъ я тебя огрѣю, не посмотрю, что баринъ! Будешь знать!

Быстрымъ, короткимъ, неуловимымъ движеніемъ, выпрямивъ руку, Тампіо спокойно ударилъ его кулакомъ въ лицо. Мужикъ присѣлъ какъ-то странно вдругъ на корточки и повалился. Изъ разбитаго лица хлынула кровь. Онъ заоралъ на всю улицу.

Тампіо попалъ въ непріятную исторію.

На дикій неистовый крикъ отовсюду изъ сосѣднихъ подворотенъ сбѣгались дворники. Нѣкоторые на ходу сбрасывали тяжелые овчинные тулупы и засучивали рукава. На Тампіо почти сразу кинулось человѣкъ восемь, съ озвѣрѣвшимъ видомъ. Умудренные опытомъ они дѣйствовали по строго установленной программѣ. Окружить человѣка и, не давъ ему опомниться, свалить на землю, бить ногами, топтать, а затѣмъ—истерзаннаго, окровавленнаго свезти въ участокъ.

Но произошло для нихъ что-то совсѣмъ неожиданное. Онъ стоялъ совершенно спокойно и, когда со всѣхъ сторонъ потянулись къ нему лапы схватить его, ударить, онъ, работая одновременно ногами и правой рукой,—въ лѣвой Тампіо держалъ собачку—быстро, шутя разбросалъ всю ватагу. Они отлетали, какъ щепки, съ крикомъ хватаясь, кто за лицо, кто за грудь, кто за животъ.

Рѣзкій свистокъ, другой, третій. Бѣжали новые дворники, останавливаясь въ недоумѣніи передъ невиданной картиной. Одинъ баринъ, какъ ни въ чемъ не бывало, держитъ собачку, а восемь избитыхъ мужиковъ охаютъ, ахаютъ, почесываются, вытираютъ окровавленныя морды.

Солидно, не спѣша, приблизился съ поста городовой. И тотъ въ недоумѣніи разводилъ руками.

— Нехорошо, господинъ, это что же такое?

— А это хорошо, если онъ хотѣлъ меня бить съ метлой—пытался борецъ найти глазами заварившаго кашу виновника, но не находилъ. Такъ были похожи дворники другъ на друга.

— Какъ вамъ будетъ угодно, а пожалуйте въ участокъ.

Странный кортежъ двинулся. Впереди всѣхъ Тампіо, прижимая къ груди собачку. За нимъ городовой. А сзади сконфуженной толпой плелись потерпѣвшіе „свидѣтели“. Они прониклись уваженіемъ къ „страшному барину“ Слышалось порою сдавленное:

— Вотъ дьяволъ. Меня какъ звѣзданулъ! И откуда это у него? Ну и силища!

Въ участкѣ дежурный помощникъ пристава сразу узналъ борца.

— Въ чемъ дѣло, г. Тампіо?

Тампіо разсказалъ:

Помощникъ пристава сочувственно кивалъ головой.

— Да, да, скажите... Вотъ эта самая собачка? Вотъ я его, подлеца, посажу на нѣсколько сутокъ... Будетъ знать другой разъ, какъ грубить! А вы, дурачье,—обратился онъ къ дворникамъ—знаете, съ кѣмъ вы связались? Да этотъ господинъ двадцати такимъ, какъ вы, морды раскваситъ. Ступайте вонъ. Что? протоколъ? Я вамъ покажу такой протоколъ!— И любезно обращаясь къ Тампіо—Ради Бога, простите. Я вашъ горячій поклонникъ! Когда кстати ваша рѣшительная съ Мартинсономъ?

ГЛАВА XIII.

Тампіо послалъ доктора за Леонтовичемъ.

Тампіо лежалъ еще въ постели. Онъ сказалъ Ейзенштадту:

— Наливаешь мнѣ еще стаканъ кофе.

Ейзенштадтъ, усатый, огромный, въ одномъ бѣльѣ возился у кофейника и что-то бормоталъ.

— Ну?—наморщивъ лобъ и гримасничая, спросилъ Тампіо—чего еще имѣешь тамъ говорить?

— Я говорю, скоро надо будетъ мамашѣ посылать деньги.

— Честное слово, ты скоро съ ума сойдешь на этомъ.

Не постучавшись, влетѣлъ въ комнату Леонтовичъ.

— Что съ вами, Тампіо? Вы больны? Васъ искалѣчили?

— Здравствуйте, проше пана. А то бы я хотѣлъ знать, кто меня искалѣчитъ? Развѣ Ейзенштадтъ. О, это фальшивый мужикъ! Вотъ, знаете, у меня вчера была оригинальная борьба...

И Тампіо розсказалъ свое приключеніе съ дворниками.

Леонтовичъ слушалъ съ загорѣвшимися глазами. Во-первыхъ, онъ смаковалъ интересный матерьялъ для газеты. А во-вторыхъ, человѣкъ всегда испытываетъ какой-то подъемъ, слушая про ловкость и силу.

— Какъ хорошо, какъ пріятно быть атлетомъ! Одинъ разнесъ цѣлую ватагу. Ихъ было восемь. Ну, хорошо. А сколькихъ, вообще, вы могли бы избить?

— Безъ ножей? — озабоченно спросилъ Тампіо.

— Разумѣется. Безъ всякаго оружія.

Тампіо подумалъ.

— Человѣкъ сорокъ...

— Развѣ?—усумнился Леонтовичъ.

— Онъ можетъ!—авторитетно закивалъ головой Ейзенштадтъ. Онъ и больше можетъ.

— Видите, проше пана, это совсѣмъ не трудная вещь. Я бы никогда не допустилъ, чтобы меня схватили. Я могу сразу давать четыре удара. Двѣ руки и двѣ ноги. Отъ каждаго удара человѣкъ падаетъ. А вы завтра пишите про это. Это хорошо для рекламы. Пишите, что всѣ были съ метлами.

— Будьте спокойны. Такую рекламу сдѣлаемъ!.. Очень ужъ благодарный матеріалъ. А гдѣ же собачка?

— Она въ кухнѣ, у нашей кухарки. Да, пишите еще, что она утонула, но что я ее вытаскивалъ изъ воды. Это когда появляется? Завтра?

— По всей вѣроятности, завтра...

— Хотите коньяку, проше пана? Ейзенштадтъ, доставай тамъ коньякъ. Чего вы хотите на закуску?

— Сардинокъ, икорки, ветчинки вестфальской.

— Ейзенштадтъ, ты слышалъ? Идешь на уголъ во фруктовую и все это покупаешь...

Леонтовичъ и Тампіо остались вдвоемъ. Борецъ вынулъ изъ-подъ подушки бумажникъ.

— Имѣете двадцать пять рублей.

— Маловато,—вздохнулъ Леонтовичъ.

— Дѣла у насъ, чортъ побери, неважныя. Народу мало. Это вы, сотрудники, мало пишете про борьбу. Да, пишите еще, что Мартинсонъ хвастался, что онъ кладетъ меня въ рѣшительной борьбѣ переднимъ поясомъ. И пишите еще, что Тампіо говорилъ, что это невозможная вещь.

Вернулся Ейзенштадтъ съ пакетами и свертками.

— Черти, брали дорого за икру!

— Ну, давай, давай, пейте, господа, коньякъ!..

Лежа на спинѣ и глядя въ пространство, Тампіо соображалъ, что бы ему еще выдумать для рекламы. Не прошло и пяти минутъ, Леонтовичъ уже разрумянился. Онъ влилъ въ себя нѣсколько большихъ рюмокъ коньяку и успѣлъ истребить добрую половину обильныхъ закусокъ.

— Хорошее пойло этотъ конькъ! Икра недурная. Славные вы люди, господа!

— Пишите еще, что разъ у меня такая-же штука въ Парижѣ была. Только они на меня бросались съ ножиками. Но я одному какъ далъ, такъ онъ сейчасъ же умеръ.

— Напишемъ, голубчикъ. Чорта въ ступѣ напишемъ. Послушайте, Ейзенштадтъ, вы, кажется, очень сильный?

— Ничего. У меня спина крѣпкая, и шея тоже.

— А вы знаете, Ейзенштадтъ—ужасно крѣпкая скотина. Только моего нельсона не выдерживаетъ. Моего нельсона никто не выдерживаетъ, проще пана.

— Онъ умѣетъ особенно закладывать съ руками,—пояснилъ Ейзенштадтъ.

— Вотъ, хотите, мы при васъ сейчасъ сдѣлаемъ? Ейзенштадтъ, становись на скамейку. Сопротивляйся сколько можешь. У насъ никакой фальши не будетъ.

Ейзенштадтъ покорно опустился на четвереньки. Онъ напоминалъ медвѣдя. Тампіо кошкой спрыгнулъ съ постели и, дѣйствительно, какъ-то особенно заложивъ руки, началъ гнуть

и ломать толстую бычачью шею Ейзенштадта. Усачъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ, но Тампіо съ покраснѣвшимъ отъ натуги лицомъ и съ вздувшимися на лбу жилами перевернулъ его на лопатки.

— Здорово. Это я понимаю. Весело у васъ, господа! Здорово!—поощрялъ хмѣлѣющій Леонтовичъ. Уходя, онъ встрѣтился у подъѣзда съ Гусевымъ.

— Финляндскаго коньяку попробовали? — спросилъ вѣчный студентъ, отъ котораго не ускользнулъ возбужденный видъ Леонтовича.— Вы бы заглянули и ко мнѣ въ кабинетикъ. Тутъ нужно будетъ одного новаго борца промуссировать. И писать о немъ удобно. Валяй, сколько хочешь.

— Кто такой?

— Пока секретъ. Увидите. Не борецъ, а малина.

Гусевъ распахнулъ дверь и погрозилъ Тампіо пальцемъ.

— Ты что же, чухонская морда, дѣлаешь? Съ дворниками дерешься?

— А ты почемъ знаешь? — обрадовался Тампіо.

— Слава Богу, весь городъ объ этомъ трезвонитъ.

— Это хорошо, пускай говорятъ. Завтра въ газетахъ появится. У меня сейчасъ былъ...

— Я его встрѣтилъ. Каналья, репортеровъ спаиваешь? Я хочу тебя завтра выпустить... Но съ кѣмъ? Трудно подбирать интересную пару, ахъ какъ трудно!

— Давай мнѣ на завтра Штейнфельда.

— Что-жъ, пожалуй, Два прыгуна. Это будетъ забавно. Только ты не клади его скоро.

Дай мальчугану повертѣться. Публика заплатитъ деньги не даромъ. Дай ей зрѣлище. Нужно быть благодарнымъ ей! А теперь вотъ что, Ейзенштадтъ, выйди на минутку.

— Гуськантини, хочешь коньяку?

— Я теперь ничего не пью. Баста, жена не позволяетъ. Вотъ что, голубчикъ мой, какъ ты себѣ хочешь, а ты долженъ упасть подъ Мартинсона.

— Я? Ни за что. Зачѣмъ я буду подъ него ложиться, когда я могу его бросить?

— Ну, это мы оставимъ... Я говорю въ интересахъ дѣла. Или тебѣ хочется, чтобъ тебѣ лишній разъ кричали: „Мошенникъ, жуликъ.“

— Никто не кричитъ, выдумываешь все.

— Тампіо, зачѣмъ врать? У меня слухъ хорошій. Одно изъ двухъ: если ты ищешь рекламы, причемъ тебѣ все равно не вѣрятъ, мы будемъ работать въ убытокъ. А если хочешь, чтобъ дѣло шло, спрячь въ карманъ свое дурацкое самолюбіе и будь порядоченъ по отношенію къ публикѣ.

— Подъ Мартинсона я не лягу. Лучше подъ кого угодно. Подъ Ейзенштадта.

— Какой же оселъ повѣритъ? Надо, чтобъ вѣрили. Понимаешь?

— Я не согласенъ.

Гусевъ, закрывъ лицо, покачалъ головой.

— Ты—невозможенъ.

— Завтра Мартинсонъ, навѣрное, броситъ Ейзенштадта, а послѣзавтра я его кладу.

— Покорно васъ благодарю. Лучшаго ты ничего не придумалъ? Портишь дѣло, дуракъ. Ты подумалъ бы. Мой тебѣ добрый совѣтъ. Упади подъ него. Боритесь полтора часа.

— Я лучше ухожу совсѣмъ изъ чэмпіоната.

— Это будетъ скандалъ. Поднимется крикъ, что ты испугался, струсилъ.

— Пускай скандалъ! Мнѣ наплевать. А ты, Гуськантини, фальшивый мужикъ.

— Бѣлены объѣлся, что ли? Я—фальшивый мужикъ! Никто не относится къ тебѣ такъ искренно, какъ я. Ну, какъ угодно. Теперь я умываю руки. Можетъ, хочешь положить Мартинсона въ три минуты? Изволь. На тотъ годъ я не буду съ тобой работать. Вотъ ты гдѣ у меня сидишь.

Тампіо криво усмѣхнулся.

— Свой чэмпіонатъ заводишь въ Петербургѣ?

— Можетъ быть.

— Ну, я къ тебѣ не пойду проситься. А только знаешь одно. Завтра Ейзенштадтъ съ Мартинсономъ, а послѣзавтра я.

Гусевъ пристально взглянулъ на него.

— Какія-нибудь новыя штуки?.. Ну, я пошелъ.

Широкая спина вѣчнаго студента скрылась въ дверяхъ.

Тампіо окликнулъ Ейзенштадта.

— Завтра ты имѣешь бороться съ Мартинсономъ.

Вся громоздкая фигура Ейзенштадта изобразила одинъ сплошной ужасъ.

— Зачѣмъ? Я не хочу. Это такой чертъ!

— Хочешь ли ты, не хочешь, тебя объ этомъ никто не спрашиваетъ. Но помнишь одно, ты ему что нибудь дѣлаешь...

— Я не успѣю. Онъ меня какъ схватаетъ...

— А ты не давайся! Я тебя сейчасъ потренирую. Я повторяю всѣ пріемы Мартинсона, а ты защищайся.

Тампіо съ удивительнымъ подражательнымъ талантомъ перевоплотился въ неуклюжа-

го Мартинсона съ его бѣднымъ и скуднымъ запасомъ немудреныхъ пріемовъ.

— Что же ты ему дѣлаешь? Сломать ты, конечно, не можешь. Для этого надо перевести въ партеръ. А если ты переведешь Мартинсона въ партеръ, я отвѣчаю въ сто тысячъ. Разбей ему своей башкой носъ и зубы. Твоя башка, вѣдь, больше ни на что не годится. Палецъ сломать труднѣй. А вотъ зубы—это хорошо...

Ейзенштадтъ даже среди борцовъ славился своимъ феноменально крѣпкимъ черепомъ.

Съ разбѣгу, ударомъ головы онъ дробилъ въ щепы дверь, толщиною въ два пальца. При такихъ условіяхъ челюстямъ скандинавскаго богатыря грозила опасность серьезная.

— Надо будетъ завтра послать денегъ мамашѣ...

— Вотъ надоѣдаешь! Если нѣту, возьмешь у меня двадцать пять рублей. А если ты ничего не сдѣлаешь Мартинсону, я тебя выгоню вонъ...

ГЛАВА XIV.

Подъ взвившійся занавѣсъ, сразу оборвались звуки марша. Гусевъ началъ:

Въ настоящій международный чэмпіонатъ французской борьбы...

— Довольно! Володя! Довольно!—безцеремонно перебивала его подзаборная публика.

— Надоѣло. Въ сотый разъ повторяешь. Начинай! не тяни душу!

Гусевъ кончилъ, однако, такъ называемый

парадъ съ демонстраціей запрещенныхъ пріемовъ, включительно. Борцы ушли подъ музыку. Остался на зеленомъ сукнѣ одинъ Гусевъ. Онъ уже раскрылъ ротъ, чтобы вызвать очередную пару борцовъ, какъ вплотную къ рампѣ вышелъ изъ публики бритый и рослый мужчина въ мягкомъ, черномъ беретѣ.

Публика насторожилась.

Бритый красавецъ тихо обратился къ Гусеву.

— Пожалуйста, громче. Не слышу,—приподнялъ вѣчный студентъ фуражку.

— Я хочу бороться въ вашемъ чэмпіонатѣ.

Гусевъ, перегнувшись къ рампѣ, отвѣчалъ:

— Теперь у насъ чэмпіонатъ закрытъ и новые борцы войти въ него не могутъ.

Въ публикѣ движеніе. Задніе ряды кричали:

— Боитесь! Мошенники! Жулики!

Гусевъ приподнялъ фуражку:

— Одну минуту вниманія. Во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ, я готовъ нарушить правило. Итакъ, господинъ будетъ бороться, несмотря на то, что чэмпіонатъ уже закрытъ. Прошу васъ пожаловать на сцену боковой дверью,—обратился онъ къ бритому красавцу въ беретѣ.

Апплодисменты.

— Браво! Гусевъ! Браво! Молодчина!

Первые ряды съ любопытствомъ разсматривали новаго борца, пока онъ шелъ мимо съ гордо поднятой головой и ни на кого не глядя. Вотъ онъ уже на сценѣ. Гусевъ говоритъ съ нимъ и подводитъ къ судьямъ. Начинается шопотъ. Публика заинтригована. Нетерпѣливые требуютъ:

— Кто такой? Въ чемъ дѣло?

Тампіо стоялъ въ кулисахъ. Закутавшись съ головой въ бѣлую мохнатую простыню, онъ походилъ на какого-то фантастическаго бедуина. Что все это значитъ? Безъ его вѣдома разыгралась какая-то комедія. Гримасничая, онъ дѣлалъ Гусеву отчаянные знаки. Но Гусевъ не видѣлъ; или не хотѣлъ видѣть. Къ Тампіо подошелъ Ауэръ въ песочномъ пальто и панамѣ. Его безусое и безбородое лицо смотрѣло спокойно, безъ всякаго удивленія. Тампіо горячо и нервно заговорилъ съ нимъ поэстонски. Ауэръ отвѣчалъ нехотя, лѣниво. Тампіо оскалилъ зубы и ударилъ кулакомъ по намалеванному дереву съ такой силой, что вся кулиса пришла въ движеніе, зашаталась.

— Докторъ!

Какъ изъ-подъ земли выросла, тоненькая фигурка Древса съ подвижнымъ гуттаперчевымъ личикомъ.

— Позовите сюда Гусева.

Докторъ метнулся къ вѣчному студенту. Древсъ любилъ показываться на сценѣ, чтобъ его видѣла публика. Гусевъ сначала отмахнулся, но потомъ тяжелымъ шагомъ направился въ кулисы.

Любопытство охватило театръ, все больше и больше. Даже изысканная публика ложъ и первыхъ рядовъ и та кричала:

— Мы хотимъ знать, въ чемъ дѣло!

— Ну, скорѣй, что тебѣ нужно?—нетерпѣливо спрашивалъ Гусевъ у Тампіо.

— Что ты дѣлаешь? Ты—фальшивый мужикъ. Кто онъ такой есть?

— Некогда мнѣ, спроси у него,—кивнулъ

Гусевъ на Ауэра.—Въ интересахъ дѣла. Потомъ... видишь, публика скандалитъ.

Гусевъ приблизился къ суфлерской будкѣ.

— Прошу одну минуту вниманія. Съ завтрашняго дня принимаетъ участіе въ борьбахъ извѣстный петербургскій художникъ и премированный красавецъ-Соколовъ.

Гусевъ широкимъ театральнымъ жестомъ указалъ на бритаго молодого человѣка въ беретѣ. Соколовъ обнажилъ свою экзотическую курчавую голову, кланяясь, церемонно и кокетливо сдѣлалъ движеніе къ рампѣ. Дамы лорнировалп его. Многимъ вспомнился онъ при другой обстановкѣ, когда въ блестящемъ греко-римскомъ шлемѣ, выше всѣхъ на полголовы, подвигался онъ въ густой маскарадной толпѣ и всѣ невольно разступались передъ нимъ и отовсюду тянулись къ нему руки съ билетиками.

Но подзаборную толпу не трогала внѣшность Соколова. Плебсъ любитъ борцовъ попроще. И если болѣе изысканная публика апплодировала ему, то задніе ряды и толпа, облѣпившая заборы, выражали голодное нетерпѣніе.

— Начинайте борьбу! Деньги обратно!

— Деньги назадъ!

— Гусевъ, не морочь головы!

На сценѣ монументальный, какъ гранитная глыба, загадочный своей нечеловѣческой силой, спокойный, улыбающійся маленькими медвѣжьими глазками шведъ Мартинсонъ и громадный, выше его, неуклюжій, не знающій, куда дѣвать длинныя руки, Ейзенштадтъ. Отъ страха его колотитъ всего. Онъ боится желѣзныхъ объятій противника, боится бѣшенства Тампіо, если онъ не выполнитъ приказанія.

Сошлись.

Бѣгая по кругу отъ шведа, чтобы тотъ не схватилъ его, Ейзенштадтъ, наклоивъ голову впередъ, цѣлился. Онъ ловилъ удобный моментъ схватить Мартинсона своимъ страшнымъ бронированнымъ черепомъ въ зубы. Тампіо, драпируясь въ бѣлыя складки мохнатой простыни, внимательно слѣдилъ за этой неравной борьбой. Лицо его подергивалось. Вотъ сейчасъ.—Вотъ...

Ейзенштадтъ ринулся... Еще мгновенье и онъ раздробитъ скандинавскому богатырю челюсти. Но Мартинсонъ выжидалъ спокойно, увѣренно. Рубящимъ короткимъ движеніемъ онъ ударилъ Ейзенштадта ребромъ ладони по щекѣ. Тотъ сразу полетѣлъ на четвереньки. Шведъ, не давая опомниться, подмялъ его и силовымъ пріемомъ перевернулъ сразу на лопатки.

Ейзенштадтъ ушелъ за кулисы, волоча ногу и хватаясь за шею.

— Дуракъ! Болванъ! Скотина!—шипѣлъ на него Тампіо.

Онъ скрежеталъ зубами, отчаянно гримасничалъ, посылалъ кому-то проклятья. Все складывается самымъ отвратительнымъ образомъ. Гусевъ играетъ какую-то двойную игру. Тампіо, который всегда посвящается въ малѣйшія подробности дѣла, который былъ оракуломъ для Ауэра, и вдругъ этотъ самый Тампіо ничего не знаетъ о появленіи какого-то красавца! Зачѣмъ? Кому нужна эта бритая морда?

— Нѣтъ, фальшивый мужикъ Гусевъ! Надо вывести его на свѣжую воду.

И улучивъ моментъ появленія вѣчнаго

студента въ кулисахъ, Тампіо судорожно схватилъ его за рукавъ.

— Ты мнѣ отвѣчаешь? слышишь? Отвѣчаешь, почему не сказалъ мнѣ за этого Соколовича?

И въ раздраженіи и въ гнѣвѣ Тампіо сохранилъ свою привычку уродовать чужія фамиліи. А, можетъ, на этотъ разъ вышло у него это случайно.

Гусевъ смотрѣлъ яснымъ взглядомъ.

— Пусти, рукавъ оборвешь. Тогда тебѣ лапу выломлю. Сказано, въ интересахъ дѣла. Мальчикъ интересный, любопытный, сборы дѣлаетъ... Да и первый любовникъ намъ нуженъ...

— А я? а я?—чуть не вырвалось у Тампіо. Онъ спросилъ:

— А для чего ты не совѣтовался у меня прежде?

— Да чтожъ съ тобой совѣтоваться? Все нервничаешь. Ауэру говорилъ. Одобряетъ. Ну, пусти, Робертъ. Пора, минута прошла.

— Черти! Проклятые черти! Всѣ противъ меня! Но я вамъ еще покажу себя. Вы еще увидите меня—шепталъ сквозь стиснутые зубы Тампіо, грозясь кому-то.

Передъ послѣдней схваткой Гусевъ объявилъ, какія пары борются завтра вечеромъ. Въ первую голову, разсчитывая на эффектъ, онъ особенно громко произнесъ:

— Мартинсонъ—Тампіо.

Это сопровождалось одобрительнымъ гуломъ всего театра. Начались предположенія:

— Кто кого? А?

— Тампіо безпремѣнно ляжетъ! Не выстоять ему противъ шведа!..

— Быть брошену Мартинсону! Верти—не верти, а Тампіо—хозяинъ!..

И когда опустили занавѣсъ, и толпа чернымъ потокомъ хлынула изъ театра, въ саду образовались цѣлые митинги. И повсюду слышались два имени. Мартинсона и Тампіо.

А въ опустѣвшей уборной Гусевъ черезъ переводчика разговаривалъ со шведскимъ силачемъ. Пришлось убѣждать его, бороться правильно, а не увѣчить противниковъ. Мартинсонъ долго, съ упрямствомъ неумнаго и вмѣстѣ одареннаго какой-то звѣриной хитростью человѣка, не соглашался, протестовалъ. Кое-какъ общими силами, и Гусевъ и переводчикъ, уломали его наконецъ.

Мартинсонъ кивалъ головой въ знакъ согласія. Но что-то вызывающее и недоброе слышалось вѣчному студенту въ его коротенькихъ шведскихъ фразахъ.

Ауэръ звалъ Тампіо ужинать.

— Не хочу.

— Ну, пойдемъ сыграемъ на билліардѣ. Пойдемъ въ „Саратовъ“!

— Не хочу. Ты—мнѣ врагъ!..

— Я?

— Да,—ты. И ты и Гусевъ—хороши всѣ. Но тебѣ особенно должно быть стыдно. Вспомни, кѣмъ ты былъ. Мальчишкой изъ булочной. Тебя держали на побѣгушкахъ, ты мѣсилъ тѣсто, на тебя сыпались затрещины. Кто тебя сдѣлалъ борцомъ? Тампіо. Кто тебѣ далъ тысячу рублей и одѣлъ съ ногъ до головы, когда ты уѣхалъ въ Лондонъ бороться съ Гаккеншмидтомъ? Кто тебя создалъ?—Тампіо. А теперь ты идешь противъ меня!

— Ты говоришь глупости, старикъ.

— Убирайся къ чорту. Я говорю правду.

Всѣ вы—фальшивые мужики.—Никому нельзя вѣрить.

Тампіо бродилъ всю ночь по набережной, смотрѣлъ, какъ разводятъ мостъ. Городовой, хмурый, невыспавшійся, съ жесткими рыжими усами взялъ ему подъ козырекъ.

Вернулся Тампіо домой съ восходомъ солнца, измученный, блѣдный, скорѣй желтоземлистый. Подъ глазами висѣли мѣшки. Опустилъ шторы, думалъ заснуть. Но съ первой же дремой, сердце стало нехорошо и неспокойно работать. Сонъ отлетѣлъ. Съ открытыми глазами Тампіо тревожно прислушивался. Мучительно тянулось время. Безпокойство росло, переходя въ паническій леденящій страхъ....

Ползли минуты, часы...

Рядомъ храпѣлъ Ейзенштадтъ. Временами Тампіо слышалъ какое-то бормотаніе. Ейзенштадтъ бредилъ:

— Мартинсонъ, Мартинсонъ вытирается съ водкомъ... Да, да, съ водкомъ... Потому онъ такой и крѣпкій... Завтра я посылаю мамашѣ... Надо послать мамашѣ...

Это вновь смѣнялось громкимъ богатырскимъ посвистывающимъ храпомъ. Тампіо закипалъ бѣшеннымъ желаніемъ схватить сапогъ и раздробить несокрушимый черепъ сосѣда...

Утромъ Ейзенштадтъ въ одномъ бѣльѣ служилъ ему, приготовлялъ бутерброды. Но Тампіо ни до чего не дотронулся. Молча умылся, одѣлся, молча взялъ шляпу.

— Куда идешь?—флегматично спросилъ Ейзенштадтъ, прожевывая какую-то снѣдь и шевеля тараканьими усами.

— А тебѣ какое дѣло? Дуракъ! Болванъ!—озлился Тампіо.—Я тебя выгоню вонъ! Зачѣмъ

ты храпѣлъ почью? Зачѣмъ тебя вчера бросилъ Мартинсонъ, какъ колбасу, а ты ничего не умѣлъ ему сдѣлать... Скотина!

Тампіо поѣхалъ къ профессору. Первый вопросъ былъ:

— Вы, конечно, слѣдуете моимъ указаніямъ? Перестали бороться?

— Нѣтъ, я боролся... Мало...

Профессоръ вспылилъ:

— Тогда зачѣмъ же, спрашивается, вы меня безпокоите? Зачѣмъ отнимаете время? Вѣдь, это гибельно.—Поймите наконецъ, самъ себѣ человѣкъ роетъ могилу. Что это? Жадность?

— Можетъ быть, господинъ профессоръ осмотритъ меня?

— И не подумаю. Какой смыслъ? Безполезно! Когда оставите борьбу, приходите. А теперь до свиданья. Меня ждутъ паціенты.

Борецъ сталъ втупикъ передъ непосильной задачей. Теперь онъ уже не гналъ отъ себя сомнѣній, на этотъ разъ онъ повѣрилъ профессору. Но оставить борьбу—это выше его силъ. Это невозможно... Что подумаютъ другіе? всѣ? Настоящей причины никто не знаетъ. Будутъ говорить: измызгался, не годится ни къ чорту... Шуточки, остроты, издѣвательства... Было бы дико, немыслимо. Откажись онъ сегодня бороться съ Мартинсономъ, подняли бы крикъ:

— Ага! Испугался! Не хочетъ ложиться подъ шведа!

Итакъ, всѣ считаютъ его жуликомъ и рады забросать грязью...

ГЛАВА XV.

Вступленіе премированнаго красавца въ чэмпіонатъ ознаменовалось притокомъ новой публики. Человѣкъ тридцать юныхъ художниковъ въ академическихъ фуражкахъ съ видомъ заговорщиковъ бродили по саду. Еще утромъ по телефону раскупленъ былъ почти весь первый рядъ. Тамъ сидѣли молодые люди въ модныхъ котелкахъ и цилиндрахъ, элегантные, отлично выбритые, съ какой-то мягкой женственностью въ манерахъ.

Борцы стояли полукругомъ плечо къ плечу. Премированный красавецъ, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, трико напоминавшій античную мраморную статую, держался поодаль. Это Гусевъ его такъ поставилъ. Сощуривъ свои большіе, прекрасные, подведенные глаза, Соколовъ смотрѣлъ въ публику. Когда подошла его очередь, Гусевъ съ особенной раздѣльной подчеркнутостію представилъ новаго борца. Его встрѣтили восторженно. Затерянные въ черной массѣ стоячей публики друзья Соколова въ академическихъ фуражкахъ оглушительно орали:

— Браво, Соколовъ! Браво!

Онъ кланялся благородно, сдержанно и въ этихъ поклонахъ много было красивой пластики. Ему поднесли корзину цвѣтовъ, какими дарятъ опереточныхъ примадоннъ. Круглое пухлое лицо вѣчнаго студента сіяло довольной улыбкой. Тампіо, кусая губы, переминаясь, не находя мѣста, гримасничая, кидалъ на борца въ бѣлоснѣжномъ трико злобные взгляды.

И, главное, какъ идетъ ему такое трико

подъ мраморъ. Оно оттѣняетъ экзотическую голову въ упругихъ крутыхъ завиткахъ черныхъ густыхъ волосъ, и эта голова съ правильными рѣзкими чертами еще выразительнѣй.

Словно завистливая женщина, осматривающая соперницу, оглядывалъ Тампіо художника. Ноги обуты не въ башмаки, а въ котурны римскаго образца. Словомъ, премированный красавецъ сдѣлалъ все для возможно большаго сходства съ атлетомъ античныхъ временъ.

Академисты демонстративно вызывали его много разъ, и онъ кланялся—кланялся безъ конца.

О, съ какимъ наслажденіемъ натравилъ бы на него Тампіо Ейзенштадта. Соколовъ—не Мартинсонъ и сломать ему ребро легче легкаго. Тогда ужъ не будетъ корчить изъ себя Аполлона Белведерійскаго. Онъ такъ и подумалъ „Бельведерійскаго.“

Публика нервничала, сѣтуя на никому ненужный парадъ и комедію съ запрещенными пріемами, которые послѣдній мальчишка твердо зналъ наизусть. Всѣ горѣли ожиданіемъ увидѣть скорѣй послѣднюю рѣшительную борьбу между Мартинсономъ и Тампіо.

И тотъ и другой, вызванные Гусевымъ уже стояли на сценѣ, одинъ весь въ черномъ тяжелый, неподвижный, другой—въ шелковомъ блѣдно-розовомъ трико, извивающійся, гибкій, задабривающій публику движеніями торса и вызывающими кокетливыми улыбками. Но подъ баззаботной внѣшностью маскировалась тревога. Тампіо чувствовалъ, а, можетъ быть, и зналъ, что побѣда его будетъ Пирровой.

Симпатіи публики раздѣлились пополамъ. Одни привѣтствовали Тампіо, другіе устроили

овацію Мартинсону. Обѣ партіи вели себя довольно бурно и трудно было сказать, на чьей сторонѣ перевѣсъ. Еще днемъ Тампіо распорядился выдать сорокъ безплатныхъ билетовъ эстонцамъ съ пароходиковъ финляндскаго общества и тѣ старались, елико возможно, хлопая оглушительно мозолистыми трудовыми ладонями и до хрипоты надрывая глотки.

Тампіо съ озабоченнымъ видомъ ходилъ вокругъ шведа, словно занимаясь его изслѣдованіемъ. Шведъ, зорко слѣдя за нимъ своими медвѣжьими глазками, поворачивался кругомъ себя, какъ на оси. Неожиданно Тампіо сдѣлалъ прыжокъ, пытаясь схватить его на захватъ головы. Но Мартинсонъ страшнымъ толчкомъ отбросилъ его, и Тампіо полетѣлъ черезъ всю сцену. Не подхвати его во время Гусевъ, онъ ударился бы головой о кулисы. Вѣчный студентъ съ ироническимъ смѣхомъ приподнялъ Тампіо, какъ ребенка, подъ мышки, дѣлая видъ, что ставитъ его на ноги, и широкимъ жестомъ указалъ по направленію Мартинсона.

— Пожалуйте туда!

Шведъ наступалъ. Тампіо пятился. Мартинсонъ развелъ руками. Это значило:

— Я не могу такъ! Онъ избѣгаетъ меня!

Гусевъ громко сказалъ:

— Тампіо! Борись! Не бѣгай! Нельзя бѣгать!

Тампіо, стиснувъ зубы и сдѣлавъ злое лицо, отмахнулся кулакомъ, какъ-будто отгоняя что-то непріятное, назойливое. И очертя голову, прыгая, бѣшенно ринулся въ аттаку, грудью впередъ. Мартинсонъ поймалъ его, наконецъ, и желѣзнымъ кольцомъ захватилъ голову. Такъ онъ держалъ Тампіо минуты двѣ,

спокойно сжимая все сильнѣе и сильнѣе страшный галстухъ. Тампіо отчаянно вздрагивалъ, трепеталъ всѣмъ тѣломъ. Его ноги брыкались въ воздухѣ, отбивая какую-то дробь. Туловище безъ головы производило впечатлѣніе чего-то мертваго, несмотря на движенія. Напряженное, полное какихъ то жуткихъ моментовъ настроеніе передалось и публикѣ. Даже враги Тампіо и тѣ кричали:

— Довольно! Довольно!

— Пріемъ дозволенный!—покрывалъ ихъ Гусевъ своей густой октавой.

Тампіо удалось вырваться и то лишь потому, что передъ борьбой онъ предусмотрительно смазалъ уши и голову вазелиномъ. А чтобъ не было замѣтно—припудрилъ.

По инерціи онъ глухо шлепнулся на коверъ. Тиски давали себя знать. Голова мутилась, лицо было въ ссадинахъ. Онъ всталъ, но зашатался, какъ пяный.

Недоброжелатели его злорадствовали.

— Ага! Не любишь! Не вкусно!

Тампіо погрозилъ въ публику. Ему шикали, свистѣли, кричали.

— Нахалъ! Долой! Вонъ!

Онъ, гримасничая, передразнивалъ эти возгласы. Вѣчный студентъ призывалъ его къ порядку.

— Тампіо! веди себя прилично! Не разговаривай съ публикой! Борись!

— А чего они отъ меня хотятъ? Чего имъ нужно?—капризничалъ онъ, мотая головой.

— Борись! Тебѣ говорятъ: борись!

Все время Тампіо игралъ весьма жалкую роль. Онъ выдохся, ослабѣлъ, учащенно и

порывисто дышалъ. Онъ еле держался. Мартинсонъ швырялъ его, ломалъ, издѣвался, упуская моменты, когда было до очевидности ясно, что Тампіо нѣтъ спасенія.

Тампіо, бормоча проклятія, грозилъ кулакомъ по направленію къ рампѣ.

Запахло скандаломъ.

— Пожалуйста маршъ!—поспѣшилъ Гусевъ бросить оркестру.

Музыка вдругъ приподняла наставленіе и заглушила обмѣнъ любезностей публики съ капризнымъ Тампіо.

Боролись безъ конца. Ручьями струился потъ съ Тампіо, застилая глаза, слипая губы. Какой-то свистъ слышался въ его учащенномъ дыханіи. Онъ рычалъ, стоналъ, хрипѣлъ. Порою шатался. Только дьявольская тренировка и выдержка позволяли ему такъ долго работать съ больнымъ истрепаннымъ сердцемъ и выдерживать чудовищные захваты, зажимы и передніе пояса скандинавскаго богатыря. Мартинсонъ такъ ломалъ и бросалъ его, что даже многочисленнымъ недругамъ Тампіо, и тѣмъ становилось жалко его.

Ауэръ стоялъ въ кулисахъ съ озабоченнымъ лицомъ. Онъ слѣдилъ не отрываясь за своимъ товарищемъ, другомъ и кузеномъ. Отрывистыми нѣмецкими фразами обмѣнивался съ докторомъ Древсомъ. Вѣчный студентъ видѣлъ настроеніе публики, чувствовалъ себя преглупо и злился.

— По милости этой чухонской морды, всѣ будутъ кричать, что мы—жулики! Дуракъ! Вотъ дуракъ! Ну что бы ему стоило упасть!

Тампіо и Мартинсонъ переплелись въ клубокъ, очутившись въ партерѣ. Короткій,

неуловимый моментъ и Мартинсонъ лежалъ на лопаткахъ, а Тампіо давилъ ему грудь своей спиной.

Гусевъ нѣсколько разъ начиналъ:

— Тампіо побѣдилъ Мартинсона въ одинъ часъ...

Но рѣзкій оглушительный свистъ мѣшалъ кончить. Побѣда Тампіо обошлась ему хуже всякаго пораженія.

— Долой! Мошенникъ! Хозяинъ!

Кучка приверженцевъ съ ихъ овапіями тонула въ морѣ всеобщаго негодованія и недовѣрія.

Когда страсти затихли, Гусевъ громовымъ голосомъ докончилъ:

— ... въ одинъ часъ тридцать двѣ минуты.

Искусственный подъемъ силъ Тампіо смѣнился полнѣйшимъ упадкомъ. Онъ ушелъ въ уборную, какъ сквозь туманъ. Полъ шатался, прыгалъ и уплывалъ подъ ногами... Въ изнеможеніи упалъ Тампіо на стулъ. Докторъ снималъ съ него мокрое, липнущее къ тѣлу трико. Потомъ вытеръ своего господина теплой водой. Тампіо смотрѣлъ въ одну точку. Лицо его въ ссадинахъ было красное, какъ послѣ бани. Одно ухо сильно вздулось. Мартинсонъ поломалъ хрящъ. Тампіо хватался за ухо и не чувствовалъ его. Какое-то онѣмѣніе. Но временами—страшная нестерпимая боль отъ лопнувшихъ кровеносныхъ сосудовъ.

Уходя домой, онъ старался незамѣченнымъ прошмыгнуть черезъ садъ. Надвинулъ шляпу поглубже и высоко поднялъ воротникъ. Дома съ нимъ былъ нервный припадокъ. Онъ плакалъ, скрежеталъ зубами, хрипѣлъ и бился головой объ стѣну. Ейзенштадтъ пытался

удержать его, успокоить, но Тампіо съ бѣшенствомъ забарабанилъ кулаками по его физіономіи, отшвырнулъ, какъ мальчишку, и на утро Ейзенштадтъ проснулся съ большущимъ синимъ фонаремъ во всю щеку.

ГЛАВА XV.

Премированный красавецъ значительно подогрѣлъ остывшій интересъ къ борьбѣ. Новое имя переходило изъ устъ въ уста. О немъ писали въ газетахъ. Леонтовичъ сочинилъ цѣлый романъ. А публика вѣрила. Вѣрила, что Соколовъ долго жилъ въ Испаніи, гдѣ изучалъ опасное ремесло торреро. Вѣрила, что онъ убилъ нѣсколько быковъ и самъ король Альфонсъ XIII отмѣтилъ его своимъ вниманіемъ и богатымъ подаркомъ.

Гусевъ языкомъ прищелкивалъ отъ удовольствія.

— Я отыграюсь на этомъ мальчишкѣ. Такого пикантнаго борца никто еще не выдумывалъ. А чухонцы надоѣли.

Гусевъ отечески заботился, чтобъ никто изъ борцовъ не ломалъ Соколова и не обращался бы съ нимъ въ схваткахъ съ обычной жестокостью.

Во время парада Соколовъ затмѣвалъ Тампіо и другихъ любимцевъ тѣми бурными овваціями, которыми его встрѣчали. Ради него ѣздила въ театръ особенная, элегантная публика, никогда не посѣщающая лѣтнихъ садовъ.

— Надо его выпустить съ чухонцемъ. Будетъ хорошій сборъ—думалъ Гусевъ.

— Тебѣ, Робертъ, придется красиво бороться двадцать минутъ ни въ чью, вѣдь все равно не бросишь—сказалъ онъ Тампіо.

— Двадцать минутъ? Да я его въ тридцать секундъ на заказъ, какимъ хочешь пріемомъ брошу!

— Да, съ дракой...—У меня въ кабинетѣ бей сколько угодно. А здѣсь въ интересахъ дѣла борись корректно...

— Да ну тебя къ чертямъ съ твоимъ дѣломъ! Я не желаю, ничего не желаю! Я его изобью и брошу въ полъ-минуты. Что ты его раздуваешь? Онъ тебѣ родственникъ? Или, можетъ быть, это твоя жена?

Гусевъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Знаешь, братъ... Чья бы корова мычала... А ты скажи лучше, съ какихъ поръ сдѣлался ты такимъ храбрымъ? Давно-ли?

— Я его не могу видѣть, твоего Соколова!

— Это другое дѣло! Дѣло вкуса. А только онъ намъ необходимъ. Жаль, что не хочешь съ нимъ бороться. Придется выпустить его съ Ауэромъ. Ауэръ—умнѣе тебя.

— Что Ауэръ? Я тебѣ даю хорошій совѣтъ: выпускай его скорѣй съ Ейзенштадтомъ. Пусть онъ бросаетъ этого большого мужика.

Гусевъ опять погрозилъ пальцемъ, но уже значительнѣй.

— Этотъ номеръ не пройдетъ, голубчикъ. Бросить то онъ его броситъ, но только.!. Мнѣ

твои фокусы всѣ извѣстны. Ейзенштадтъ съ нимъ не будетъ бороться.

— Ты фальшивый мужикъ. Ты идешь противъ меня!

— Я иду противъ того, что мѣшаетъ дѣлу. А кто изъ насъ фальшивый, ты бы помалкивалъ!

— Но если я желаю бороться съ нимъ?

— Безъ драки!

— Ну хорошо, я соглашаюсь!

— Врешь, братъ, по мордѣ вижу, что врешь! Тебѣ только бы выйти, а тамъ ты его такъ въ минуту и искалѣчишь. Всю музыку испакостишь. Ты лучше на другихъ показывай свою удаль, чухонская дура. Мало ли у насъ апостоловъ. Бей ихъ и самъ сдачи получишь. Что я его даромъ откапывалъ, что-ли? Сперва нужно деньги на немъ сдѣлать!

Съ каждымъ днемъ Гусевъ становился тверже и независимѣй. Тампіо, прежде однимъ словомъ обрывавшій его, теперь становился въ тупикъ. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ. Онъ никому не вѣрилъ. Не вѣрилъ даже Ауэру, который, видимо, былъ заодно съ Гусевымъ. Даже въ Ейзенштадтѣ, въ этой безотвѣтной покорной собакѣ, и въ немъ онъ сомнѣвался. Настанетъ день, когда и онъ откажется служить ему. Докторъ сталъ держаться наглѣе и съ какой-то игривой непринужденностью уклоняется отъ пощечинъ.

Древсъ уже подумывалъ объ уходѣ. Его красные дни закатывались. Тампіо не кутилъ съ нимъ больше. Да и вообще, бросилъ всякіе кутежи. Докторъ боялся показываться въ

саду. Онъ избѣгалъ непріятныхъ встрѣчъ съ тѣми дамами, которыхъ онъ обѣщалъ познакомить съ Тампіо и у которыхъ перебралъ деньги авансомъ. Погасить же эти долги онъ не могъ при всемъ желаніи. Тампіо избѣгалъ всякихъ новыхъ знакомствъ. Теперь ему было не до женщинъ и не до романовъ. Теперь онъ думалъ о своемъ больномъ сердцѣ, неудачахъ и о томъ, что звѣзда его меркнетъ...

Онъ не обольщался радужными иллюзіями. Рѣшилъ беречься, выступать не больше двухъ разъ въ недѣлю. Выбиралъ слабыхъ противниковъ, шутя бросая въ двѣ-три минуты...

... Гусевъ вызвалъ Тампіо и Захера. Это былъ захудалый борецъ. Маленькій, сутуловатый, близорукій. Грубое дешевое трико, башмаки въ заплатахъ. Онъ получалъ пять рублей въ день.

Гусевъ приложилъ къ губамъ свистокъ.

Захеръ нерѣшительно протянулъ руку Тампіо. Онъ зналъ, что черезъ нѣсколько мгновеній будетъ опрокинутъ и, сконфуженный, никому не интересный, уйдетъ со сцены.

Тампіо сдѣлалъ шагъ впередъ, вытянулъ руку, но вдругъ, какъ подкошенный, грохнулся навзничь... Ему не вѣрили. Послышались крики:

— Мошенникъ! Жуликъ! Притворяется!

Гусевъ бросился къ нему, заглянулъ въ лицо:

— Доктора!

Сбѣжались борцы и унесли Тампіо за кулисы.

Тревога охватила публику. И тѣ, что за минуту называли его жуликомъ, теперь спрашивали, волнуясь:

— Что съ нимъ такое? Боленъ, обморокъ?

Изъ-за кулисъ вышелъ Гусевъ, блѣдный, растерянный. Въ его красивыхъ голубыхъ глазахъ стояли слезы. Снявъ фуражку, дрожащимъ голосомъ—впервые дрожалъ его густой баритонъ на сценѣ—онъ произнесъ:

— Прошу одну минуту вниманія...

Публика,—этотъ тысячеголовый звѣрь,—амерла...

— Тампіо умеръ отъ разрыва сердца...

Конецъ.